Джим Батчер

новелла из цикла "Досье Дрездена"

Гром среди ясного неба

Гром среди ясного неба
Джим Батчер

Аннотация
Джим Батчер. Гром среди ясного неба

Аннотация

Джим Батчер ошарашил всех своих поклонников, убив Гарри Дрездена в конце романа «Перемены». Следующий роман, «История призрака», был написан с точки зрения призрака Гарри! Если вы ещё не читали «Холодные деньки», то сначала прочитайте новеллу «Гром среди ясного неба». В ней молодая ученица Гарри Дрездена, пытаясь противостоять силам тьмы без своего наставника, обнаруживает, что стать его достойной преемницей не так-то просто, и что ей лучше побыстрее научиться всему — иначе она погибнет.

Джим Батчер
Гром среди ясного неба

Я скучаю по своему боссу.

Прошёл почти год с тех пор, как я помогла ему умереть, и всё это время я была единственным профессиональным чародеем в Чикаго.

Ну, хорошо. Я не совсем профессиональный чародей. Я до сих пор вроде ученика. Мне никто не платит, если не считать кошельки и ценные вещи, которые я забираю иногда у мертвецов, поэтому я думаю, что я скорее любитель, чем профессионал. И у меня нет ни лицензии частного детектива, как у моего наставника, ни объявления в телефонной книге.

Но, кроме меня, его некому заменить. Я не такая сильная, как он, и не такая искусная, как он. Я просто пытаюсь справляться.

Как, например, сейчас, пытаясь отмыть с себя кровь под душем в доме Уолдо Баттерса.

В эти дни я в основном живу на улице, что не кажется настолько ужасным летом или ранней осенью, как это было во время арктических холодов прошлой суперзимы. В сравнении с ними это как сон на тропическом пляже. Тем не менее мне не хватает таких вещей, как регулярный доступ к водопроводу, и Уолдо позволяет мне помыться у него всякий раз, когда мне это нужно. У меня был душ с отвёрнутым до упора горячим краном, и это

был рай. Отчасти потрёпанный, нуждающийся в чистке, но тем не менее рай.

Пол в душе на несколько секунд стал красным, потом начал всё больше выцветать до розового, пока я смывала кровь. Это была не моя кровь. Банда фоморских слуг тащила пятнадцатилетнего мальчика по переулку в сторону озера Мичиган. Дотащи они его туда, его бы ждала судьба хуже смерти. Я вмешалась, но этот ублюдок Слухач предпочёл не отдать мальчишку, а перерезать ему горло. Я пыталась спасти его, когда Слухач и его приятели убежали. Мне не удалось. И я была рядом с мальчиком, чувствуя всё, что он делал, чувствуя его смятение, боль и ужас, пока он умирал.

Гарри бы этого не чувствовал. Гарри был бы героем дня. Он раскидал бы фоморских головорезов вокруг, как кегли, взял бы малыша на руки, как какой-нибудь герой из сериала, и унёс бы его в безопасное место.

Мне не хватает моего босса.

Я использовала много мыла. Я, вероятно, плакала. Я начала игнорировать слёзы месяцы назад, и время от времени я честно не знаю, текут они или нет. Очистившись — физически, по крайней мере — я просто стояла там, впитывая тепло,

позволяя воде обтекать меня. Шрам на ноге, где меня подстрелили, ещё морщинистый, но цвет с фиолетового и красного сменился на агрессивно-розовый. Баттерс сказал, что через пару лет шрам исчезнет. Я снова могла ходить нормально, если не сильно перенапрягаюсь. Но, блин, моим ногам и прочим частям тела необходимо снова познакомиться с бритвой, несмотря даже на то, что светло-блондинистые волосы не так заметны.

Я бы проигнорировала их, но… Уход за собой имеет большое значение для поддержания своего духа на надлежащем уровне. «В здоровом теле здоровый дух» и всё такое. Я не была дурой. Я знала, что давно не дотягивала до этого уровня. Моему моральному духу необходима вся поддержка, которую он может получить. Я высунулась из душа и стибрила розовую пластиковую бритву Энди. Отплачу оборотнической подруге Уолдо за это позже.

Я закончила мыться примерно в то же время, как кончились горячая вода, вылезла из душа и вытерлась полотенцем. Мои вещи были свалены в кучу у двери — сандалии с гаражной распродажи, старый нейлоновый рюкзак и моя окровавленная одежда. Остальное было утеряно. А сандалии оставили частичные кровавые следы

на месте преступления, так что мне нужно поскорее от них избавиться. Придётся наведаться на другую распродажу поношенной обуви. Когда-то это подняло бы мне настроение, но теперь ходить за покупками — совсем не то, что было раньше.

Я тщательно собирала со дна ванны и с пола выпавшие волосы и тому подобное, когда кто-то постучал. Я не перестала внимательно осматривать пол. Человек с таким же, как у меня, родом занятий может и будет делать с вами ужасные вещи, используя оставленные частички вашего тела. Не убрать после себя — это всё равно, что самому попросить кого-нибудь вскипятить вам кровь, будучи на расстоянии двадцати кварталов. Нет уж, спасибо.

— Да? — окликнула я.

— Эй, Молли, — ответил Уолдо. — Тут, э-э… кое-кто хочет поговорить с тобой.

Мы позаботились о многих вещах. Если бы он использовал в своей фразе слово «чувство» в любом месте, я бы знала, что по ту сторону двери неприятности. То, что он не использовал это слово, означало, что опасности не было — или что он не мог этого видеть. Я надела браслеты и кольцо и положила оба моих жезла туда, где могла мгновенно их схватить. Только тогда я

начала одеваться.

— Кто? — спросила я.

Он изо всех сил старался, чтобы его голос не был нервным. Я оценила его усилия. Это было мило.

— Сказала, что её зовут Жюстина. Говорит, ты её знаешь.

Я не была знакома с Жюстиной. Она была в рабстве у вампиров Белой Коллегии. Или, по крайней мере, личным помощником одного из них и девушкой другого. Гарри всегда хорошо к ней относился, правда, он становился большим, тупым идиотом, когда речь шла о женщине, которая напоминала сказочную принцессу и могла попасть в беду.

«Но если бы он был здесь, — пробормотала я про себя, — он бы ей помог».

Я не стала протирать запотевшее зеркало перед тем, как вышла из ванной. Я не хотела смотреть на своё отражение.

Жюстина была всего на несколько лет старше меня, но её волосы были совершенно белые. Она выглядела сногсшибательно — одна из тех девушек, которых парни считают слишком красивыми, чтобы с ними можно было познакомиться. На ней были джинсы и рубашка с пуговицами на воротнике, на несколько размеров больше,

чем надо. Рубашка была Томаса, я уверена. Её язык тела был очень сдержанный, нейтральный. Жюстина умела скрывать свои эмоции лучше всех, кого я когда-либо видела, но под спокойной поверхностью я чувствовала сдерживаемую напряжённость и подавляемый страх.

Я чародей или нечто чертовски близкое к этому, и я чувствую эмоции. Людям действительно трудно что-либо скрыть от меня.

Если Жюстина боялась, значит, она боялась за Томаса. Если она пришла ко мне за помощью, значит, она не могла получить помощь от Белой Коллегии. Мы могли бы выяснить всё это в ходе вежливого разговора, но у меня в последнее время было всё меньше и меньше терпения для учтивости, поэтому я решилась:

— Здравствуй, Жюстина. Почему я должна помогать тебе с Томасом, если его собственная семья не может этого сделать?

У Жюстины глаза на лоб полезли. Как и у Уолдо.

Я уже привыкла к такой реакции.

— Как ты узнала? — тихо спросила Жюстина.

Если владеешь магией, люди всегда предполагают, что всё, что ты делаешь, что угодно, должно быть с ней связано. Гарри всегда думал, что это

смешно. Для него магия была просто ещё одним набором инструментов, которые его мозг мог использовать для решения проблемы. Разум был куда более важной частью этого процесса.

— А это имеет значение?

Она нахмурилась и отвела взгляд. Затем покачала головой:

— Он пропал. Я знаю, что он уехал по какому-то поручению Лары, но она говорит, что ничего не знает об этом. Она лжёт.

— Она вампир. И ты не ответила на мой первый вопрос, — слова прозвучали несколько жёстче и грубее, чем они звучали в моей голове. Я попыталась немного расслабиться. Сложила руки на груди и прислонилась к стене. — Почему я должна помогать тебе?

Не то, чтобы я не собиралась помогать ей. Но я знала тайну насчёт Гарри и Томаса, известную лишь немногим. Я должна была выяснить, известна ли эта тайна также и Жюстине, или мне следует скрывать это от неё.

Жюстина на секунду посмотрела мне прямо в глаза. Взгляд был пронизывающим.

— К кому ещё, кроме семьи, — произнесла она, — можно обратиться за помощью?

Я отвела глаза, прежде чем это могло пре-

вратиться в настоящий Взгляд, но её слова и совокупное впечатление от её позы, её присутствия, её *самой*, ответили на мой вопрос.

Она знала.

Гарри был сводным братом Томаса. Она бы обратилась за помощью к нему, будь он жив. Я была единственной в этих краях, кого можно было, пусть с натяжкой, назвать его преемницей, и, как она надеялась, я была способна влезть в его ботинки. В его огромные, растоптанные, страшные ботинки…

— К друзьям, — спокойно ответила я. — Мне понадобится что-нибудь от Томаса. Волосы или, может быть, обрезки ногтей…

Она достала из нагрудного кармана рубашки закрытый на застёжку пластиковый пакет и без слов протянула его мне. Я подошла и взяла его. Там было несколько тёмных волосков.

— Ты уверена, что они его?

Жюстина жестом указала на собственную белоснежную гриву:

— Это не то, что можно легко спутать.

Поискав взглядом Баттерса, я обнаружила, что он молча следит за мной с противоположной стороны комнаты. Это был мелкий, жилистый, подвижный парень с большим клювом. Причёс-

ка, точно током ударило, а потом заморозило. В глазах читались непоколебимость и забота. Он по долгу службы вскрывал трупы для правительства, но являлся одним из самых знающих людей в городе, когда дело касалось сверхъестественного.

— Что? — спросила я.

Он старательно подбирал слова для ответа, но больше из-за волнения за мои чувства, чем потому, что боялся меня. В нынешнее время для большинства мотивация была бы обратная.

— Молли, стоит ли тебе ввязываться в это?

На самом деле он хотел спросить, в своём ли я уме, если собираюсь помочь, и не будет ли от этого только хуже.

— Не знаю, — честно призналась я. Обернулась к Жюстине и попросила:

— Подожди здесь.

Я собрала своё барахло, взяла волоски и удалилась.

* * *

Первое, чему обучил меня Гарри Дрезден в магии, было заклинание слежения.

— Тут очень простой принцип, детка, — сказал он мне. — С помощью энергии мы создаём связь

между двумя родственными предметами. В результате энергия даёт нам что-то вроде указателя, по которому можно увидеть, в какую сторону она течёт.

— К тому, что мы хотим найти? — спросила я.

Он, держа довольно жёсткий серый волос, кивнул в сторону своего пса, Мыша. Его нужно было назвать Лосем. Гигантская, косматая храмовая собака была размером с пони.

— Мыш, — сказал Гарри, — пойди потеряйся, и мы посмотрим, сможем ли мы тебя найти.

Здоровенный пёс зевнул и охотно направился к двери. Гарри выпустил его, а потом подошёл и сел возле меня. Мы находились в его гостиной. Несколькими ночами ранее я набросилась на него. В голом виде. А он плеснул мне на голову из кувшина холодной водой. Я до сих пор расстраивалась, но он, скорее всего, был прав. Для него это было правильным поступком. Он всегда поступал правильно, даже если это означало проигрыш. Я всё ещё очень сильно желала быть с ним, но, возможно, время пока не пришло.

Всё было не так плохо. Я умею быть терпеливой. К тому же мы были с ним вместе почти каждый день, пусть и по-другому.

— Хорошо, — сказала я, когда он подсел. — Что

мне делать?

* * *

За последующие с того дня годы это заклинание стало рутинным занятием. Я пользовалась им для поиска пропавших людей, потайных мест, парных носков и повсеместно, чтобы совать свой нос куда ни попадя. Гарри сказал бы, что для чародея это вполне ожидаемо, и был бы прав.

Я остановилась в переулке поблизости от дома Баттерса и кусочком розового мела начертила на бетоне круг. Я замкнула круг лёгким усилием воли, вынула из пластикового пакета один из волосков и подняла его вверх. Я сконцентрировала энергию заклинания, соединяя различные его элементы в моей голове. Когда мы начинали, Гарри позволял мне использовать четыре различных предмета, обучая меня, как присоединять к ним мысли, чтобы представить различные фрагменты заклинания, но это было совсем не нужно. Вся магия происходит внутри головы чародея. Можно использовать разный реквизит, чтобы облегчить задачу, и в по-настоящему сложных заклинаниях это создаёт разницу между невозможным и почти невозможным. Хотя для этого заклинания я не нуждалась ни в каких подпорках.

Я собрала различные фрагменты заклинания в голове, связала их вместе, добавила небольшое усилие воли, а затем, пробормотав слово, направила эту энергию в волосок в моих пальцах. Затем я сунула волосок в рот, разорвала меловой круг, стерев его часть ногой, и выпрямилась.

Гарри всегда использовал в качестве индикатора для отслеживающего заклинания материальные объекты — свой амулет, компас или какой-нибудь маятник. Я не хотела ранить его чувства, но ни в чём подобном на самом деле не было необходимости. Я могла чувствовать магию, пронизывающую волосок, как лёгкое покалывание в губах. Я достала дешёвый маленький пластиковый компас и малярный шнур в десять футов длиной. Я установила компас и пришпилила один конец малярного шнура, отметив направление на магнитный север.

Затем взяла свободный конец шнура и стала медленно поворачиваться, пока не нашла направление, в котором покалывание на моих губах было максимальным. Губы — обычно чрезвычайно чувствительная часть тела, и я обнаружила, что они обеспечивают лучшую тактильную обратную связь для такого рода вещей. Как только я поняла, в каком направлении

Томас, я сориентировала шнур, убедилась, что он туго натянут, и пришпилила ещё раз, так, что в результате получилась очень вытянутая буква V, как кончик гигантской иглы. Я измерила угол между концами V.

Затем я повернулась на девяносто градусов, отсчитала пятьсот шагов и повторила процесс.

Обещайте никогда не рассказывать об этом моему школьному учителю математики, но затем я села и применила законы тригонометрии к реальной жизни.

Вычисления не были сложными. У меня были два измеренных угла между направлением на магнитный север и направлением, указанным заклинанием. Мне было известно расстояние между вершинами двух углов в шагах Молли. Шаги Молли — не особо научная единица, но для данного применения они были достаточно практичны, чтобы вычислить расстояние до Томаса.

С помощью таких простых инструментов я не могла получить достаточно точные измерения, чтобы знать, какие двери вышибать, но теперь я выяснила, что он был сравнительно недалеко — на расстоянии четырёх или пяти миль, вместо того, чтобы быть на Северном полюсе или где-то вроде этого. Я много передвигалась по городу,

потому что в движущуюся мишень намного труднее попасть. Я, наверное, в среднем за день пересекала его по три или четыре раза.

Для более точного определения местонахождения мне нужно было ближе подобраться к нему, поэтому я сконцентрировалась на покалывании в губах и пошла вперёд.

Томас находился в небольшом офисном здании, расположенном на большом земельном участке.

Оно имело всего три этажа, огромным не назовёшь, хотя находилось в окружении нескольких гораздо более крупных сооружений. Участок был достаточно велик, чтобы застроить его чем-то более величественным, но вместо этого территорию занимал ухоженный газон, садик в комплекте с элементами водного дизайна, и всё это было обнесено очень низкой, очень скромной кованой оградой. В самой конструкции дома, судя по его виду, использовалось большое количество камня и мрамора, а в одних только карнизах было больше стиля, чем во всей архитектуре башен поблизости. Выглядел он великолепно и подчёркнуто скромно одновременно, как один небольшой, совершенный бриллиант, выделяющийся среди россыпи стразов.

Снаружи не было никаких вывесок. У входа

не было ничего примечательного, кроме ворот, которые охраняли опытные на вид мужчины в тёмных костюмах. Дорогие тёмные костюмы. Если охранники могли позволить себе носить такое как рабочую униформу, это означало, что, кто бы ни владел этим зданием, у него были деньги. Большие деньги.

Я обошла здание, из осторожности стараясь оставаться на дальней стороне улицы, чтобы убедиться, что чувство покалывания от энергии поискового заклинания подтверждает местонахождение Томаса, но внутри всё равно кто-то обратил на меня внимание. Чувствовалось, как глаза охранника, даже сквозь очки, следят за мной. Возможно, стоило сделать первый заход под завесой, но Гарри всегда был против применения магии, за исключением случаев, когда это действительно было необходимо, иначе слишком легко потом начать использовать её на всякие мелочи.

В каком-то смысле я лучше понимаю, «как» использовать магию, чем Гарри. Но у меня хватило сообразительности понять, что мне никогда не стать столь же умной, как он, когда дело дойдёт до «зачем».

Я зашла в «Старбакс»[1] по-соседству, заказала чашку жидкой бодрости и задумалась о том, как попасть внутрь. Мой язык свидетельствовал на проводимом мной Великом суде, когда я почувствовала присутствие быстро приближающейся сверхъестественной силы.

Я не запаниковала — паника приводит к гибели, вместо этого я, сверкая пятками, рванула в коридорчик, ведущий в тесную уборную. Заперлась внутри, достала жезлы из заднего кармана, проверила уровень энергии в браслетах — оба были готовы к действию. Кольца также были полностью заряжены и почти идеально подходили к тому, что могло произойти.

Итак, я успокоила мысли, сделала небольшое усилие воли, прошептала заклинание и исчезла.

Завесы — достаточно сложные заклинания в магии, но у меня был талант к ним. Становясь по-настоящему и целиком невидимой, получаешь настоящую головную боль: свет, проходящий сквозь тело, в буквальном смысле замораживает, как последняя стерва, к тому же при этом становишься слеп как крот. Стать невидимым можно

---

[1] Примечания: 1

«Старбакс» (англ. Starbucks) — американская компания по продаже кофе и одноимённая сеть кофеен. — *Здесь и далее, кроме особо отмеченных, примечания переводчика.*

было и по-другому. Качественная завеса оставляла видимыми только небольшое мерцание в воздухе да несколько слабых теней там, где их не должно быть, и делала кое-что ещё. Она создавала ощущение обыденности в воздухе вокруг, ауру скучной заурядности, которая, как правило, чувствуется разве что на нелюбимой работе, примерно в три тридцать пополудни. Как только этот эффект объединяется со значительным снижением видимости очертаний, оставаться незамеченным становится почти так же легко, как дышать.

Исчезнув за завесой, я также создала изображение, ещё одну комбинацию иллюзии и внушения. Это было просто: появилась моя копия, как моё отражение в зеркале, честная и весёлая на вид, прямо-таки преисполненная добродетелью. Ощущения, сопровождающие этот образ, были просто разновидностью большой дозы меня: звуки моих шагов и движения, запах шампуня из ванной Баттерса, аромат моей чашки кофе. Я привязала изображение к одному из колец, что носила на пальцах, и сделала самостоятельным, поддерживая энергией, запасённой в лунном камне. Затем я повернулась, с собственным изображением, облегающим моё невидимое тело, как костюм из

света, и вышла из кофейни.

Оказавшись на улице, я сделала крутой поворот, простой манёвр уклонения. Моё изображение повернуло налево, а я направо.

Для любого постороннего это выглядело так: молодая женщина только что вышла из кофейни и решила прогуляться по улице с чашкой кофе. Она явно наслаждалась жизнью. Я заставила свою копию немного подпрыгивать и раскачиваться при движении, чтобы сделать её намного более заметной (и, следовательно, лучше отвлекать). Она может идти по улице милю или больше, прежде чем просто исчезнет.

Между тем настоящая я неслышно скользнула в проулок и стала наблюдать.

Моё изображение не прошло и ста метров, прежде чем мужчина в чёрном свитере вышел из переулка и последовал за ним — слуга фоморов. Эти ублюдки теперь были повсюду, как тараканы, только более отвратительные, и их труднее убить.

Вот только… это было слишком просто. Один слуга не заставил бы мой инстинкт тревоги зазвенеть. Они были сильными, быстрыми и жестокими, конечно, но не в большей степени, чем многие другие существа. Они не обладают

кучей магической силы; иначе фоморы вообще никогда не давали бы им отпуск.

Тут был кто-то ещё. Тот, кто хотел меня отвлечь, пока я слежу, как якобы слуга идёт следом за якобы Молли. И если этот кто-то знал меня достаточно хорошо, чтобы придумать такого рода уловку, чтобы привлечь моё внимание, то он знал меня достаточно хорошо, чтобы обнаружить меня, даже под завесой. Существует очень ограниченное число людей, которые могли это сделать.

Я сунула руку в нейлоновый рюкзак и схватилась за штык-нож M9, привезённый братом домой из Афганистана. Когда тяжёлое лезвие оказалось снаружи, закрыла глаза и быстро крутанулась на месте с ножом в одной руке и кофе в другой. Отщёлкнула большим пальцем крышку с кофе и плеснула жидкостью по широкой дуге примерно на уровне груди.

Раздался вздох. Ориентируясь на него, открыв глаза, я шагнула в сторону источника звука, разрезая ножом воздух перед собой, чуть выше уровня своего сердца.

Неожиданно стальное лезвие полыхнуло ярким светом — это нож пронзил завесу, висевшую в воздухе всего в нескольких дюймах от меня.

Толкая остриё перед собой, я быстро шагнула вперёд сквозь неё, и внезапно за завесой обнаружилась какая-то фигура. Это была женщина, выше меня ростом, в рванье (кофейного цвета), а её незаплетённые огненно-рыжие волосы развевал ветер. Она наклонилась в сторону и, потеряв равновесие, оперлась плечом о кирпичную стену переулка.

Я не смилостивилась и продолжала тянуться лезвием к её горлу, пока в последний момент бледная тонкая рука не схватила меня за запястье, резко, как змея, только она была сильнее и холоднее. Мы оказались лицом к лицу в нескольких дюймах друг от друга, я упёрлась пяткой, толкая нож, преодолевая сопротивление, но не переусердствуя, чтобы неожиданное её движение не вывело меня из равновесия. Она была стройна и прекрасна, даже в лохмотьях: широкие раскосые глаза, совершенные пропорции фигуры, такие можно найти разве что у полудюжины супермоделей — и у любого сидхе.

— Здравствуй, тётушка, — произнесла я ровным голосом. — Очень некрасиво подкрадываться ко мне сзади. Особенно сейчас.

Она сдерживала мой вес одной рукой, хотя и через силу. В тембре её мелодичного голоса чув-

ствовалась натянутость. Она выдохнула:

— Дитя, ты ожидала моего прихода. И если бы не остановила я тебя, ввела бы в мою плоть холодное железо, причинив невыразимое мученье мне. Ты жаждала пролить мою живую кровь на землю, — её глаза расширились. — И хочешь умертвить меня.

— Хочу, — с удовольствием согласилась я.

Она широко улыбнулась, показав изящно заострённые зубы.

— Мне удалось неплохо обучить тебя.

Потом она вывернулась с гибкой текучей грацией подальше от ножа и отступила на широкий шаг от меня. Я следила за ней, опустив нож, но не убирая его.

— У меня сейчас нет времени для занятий, тётушка Леа.

— Я здесь не для того, чтобы учить тебя, дитя.

— На игры у меня тоже нет времени.

— Я здесь тоже не для игр, — сказала Леанансидхе, — но чтобы дать предупреждение: тебе грозит опасность.

Я приподняла бровь.

— Вау. Надо же.

Она укоризненно покачала головой, её губы сжались в линию. Её глаза смотрели мимо ме-

ня, вдоль переулка, затем она бросила быстрый взгляд в другую сторону. Выражение её лица изменилось. Не то чтобы она совсем потеряла самодовольное превосходство, которое всегда сквозило в чертах её лица, но оно изрядно уменьшилось, и она понизила голос:

— Ты всё шутишь, дитя, но ты в серьёзной опасности — как и я. Мы не должны задерживаться здесь, — она перевела взгляд на меня. — Если ты имеешь намерение поймать этого врага, если ты хочешь освободить брата моего крестника, вначале я должна кое-что тебе поведать.

Я сузила глаза. Фея-крёстная Гарри взяла на себя обязанности моего наставника, когда Гарри умер, но она вовсе не была доброй феей. Фактически она была заместителем Мэб, Королевы Воздуха и Тьмы, и она была кровожадным, опасным существом, которое разделяло врагов на две категории: те, кто уже умер, и те, которыми она еще не насытилась. Я не знала, что ей известно о Гарри и Томасе, но это не шокировало меня.

Леа была безжалостным, жестоким существом, но, насколько я знала, она никогда не лгала мне. Технически.

— Пойдём, — сказала Леанансидхе. Она повернулась и быстрым шагом направилась к

дальнему концу переулка, на ходу снова став невидимой и набросив завесу вокруг себя, чтобы спрятаться от посторонних глаз.

Я оглянулась в сторону здания, где держали Томаса, стиснула зубы и последовала за ней, соединив свою завесу с её.

Мы шли по улицам Чикаго, невидимые для тысяч глаз. Люди, мимо которых мы проходили, делали несколько дополнительных шагов, чтобы разминуться с нами, даже не задумываясь об этом. Будучи невидимым, необходимо распространять внушение избегать вас, когда вы находитесь в толпе. Иначе какой в этом смысл, если десятки людей будут натыкаться на вас.

— Скажи мне, дитя, — сказала Леа, внезапно отказавшись от архаичного диалекта. Она так делала иногда, когда мы оставались одни. — Что тебе известно о свартальвах[2]?

— Немного, — ответила я. — Они выходцы из Северной Европы. Они маленькие, живут под землёй. Ещё они лучшие магические кузнецы на земле; Гарри покупал сделанные ими вещи всякий раз, когда он мог себе это позволить, но

---

[2] Примечания: 2

Свартальвы, они же чёрные (или нижние) альвы, цверги, тёмные эльфы — карлики из германо-скандинавской мифологии, являются основным прототипом гномов.

они были не из дешёвых.

— Как сухо, — сказала фея. — Ты говоришь так, словно цитируешь книгу, дитя. Книги часто имеют мало общего с жизнью. — Её внимательные зелёные глаза сверкнули, когда она повернулась, чтобы посмотреть на молодую женщину с младенцем, проходящую мимо нас. — Что ты *знаешь* о них?

— Они опасны, — ответила я тихо. — Очень опасны. Древнескандинавские боги ходили к ним за оружием и доспехами, и они не пытались бороться с ними. Гарри говорил, что рад, что ему никогда не приходилось сражаться с чёрными альвами. Они также придерживаются понятий о чести. Они участники Неписаного соглашения, и они соблюдают его. Они имеют репутацию свирепых защитников своих соплеменников. Они не люди, они не добрые, и только глупец станет с ними связываться.

— Уже лучше, — похвалила Леанансидхе. Затем добавила пренебрежительным тоном:

— Только глупец.

Я снова оглянулась в сторону того здания:

— Это их собственность?

— Их крепость, — ответила Леа. — Центр смертных дел, здесь, на великом перепутье. Что ещё

можешь о них вспомнить?

— Хм, — покачала я головой. — У одной из скандинавских богинь спёрли ювелирную побрякушку…[3]

— Её звали Фрейя, — уточнила Леа.

— А вор…

— Локи.

— Ага, он. Он заложил ожерелье свартальвам или что-то вроде того, и нужно было до фига сделать, чтобы получить побрякушку обратно.

— Можно только гадать, как это можно быть настолько рассеянной и одновременно настолько точной, — сказала Леа.

Я ухмыльнулась.

Леа нахмурилась:

— Ты прекрасно знаешь эту историю. Ты… водила меня за нос. Полагаю, именно так говорится.

— У меня был хороший учитель в классе по

---

[3] Примечания: 3

Упомянутая «побрякушка» — это золотое ожерелье (в другой версии пояс) Брисингамен, сделанное четырьмя братьями-гномами Брисингами для богини Фрейи, любовницы Одина. Версия мифа, рассказанная Молли, сильно сокращена и несколько отличается от имеющейся в «Википедии».

охоте на Снарка[4], — парировала я. — Фрейя пошла, чтобы получить своё ожерелье назад, и свартальвы были готовы сделать это, но только если она согласится поцеловать каждого из них.

Леа откинула голову назад и рассмеялась.

— Дитя, — сказала она, и её в голосе я слышала злобный лязг клинков, — вспомни, что многие старые сказки были переведены и расшифрованы довольно чопорными учёными.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я.

— То, что свартальвы наверняка не согласились бы отказаться от одной из самых величайших драгоценностей во Вселенной ради общественной поездки на «первую базу»[5].

Я моргнула пару раз и почувствовала, что мои щеки начинают краснеть:

— Ты имеешь в виду, что она должна была…

— Точно.

— Со всеми ними?

---

[4] Примечания: 4

Снарк (англ. Snark) — вымышленное существо, герой поэмы Льюиса Кэрролла «Охота на Снарка», существо, на которое в течение всего произведения охотится команда из девяти человек и бобра. Название является характерным для Кэрролла «словом-бумажником» и образовано склейкой слов «snake» — змея и «shark» — акула.

[5] Примечания: 5

В американском слэнге фазы сексуального общения отождествляют с четырьмя базами бейсбола. Первая — самая невинная, четвертая — собственно совокупление (*прим. книгодела*).

— Именно так.

— Ну и ну, — сказала я. — Мне, как и любой девушке, нравятся побрякушки, но это за пределом допустимого. Далеко за пределом. В смысле, отсюда нельзя даже *увидеть* линию предела.

— Возможно, — сказала Леа. — Я полагаю, это зависит от того, как сильно кому-то нужно вернуть что-то от свартальвов.

— Э-э… Ты говоришь, что мне нужно устроить групповушку, чтобы вытащить оттуда Томаса? Потому что… этого просто не будет.

Леа показала зубы в улыбке:

— Нравственность меня забавляет.

— Ты бы это сделала?

Леа с оскорблённым видом посмотрела на меня:

— Ради кого-то другого? Конечно, нет. Ты хоть понимаешь, какие обязательства это повлечет за собой?

— Ну… не то что бы…

— Не мне делать этот выбор. Ты должна спросить себя: является ли твое душевное спокойствие более ценным для тебя, чем жизнь вампира?

— Нет. Но должен быть другой путь.

С минуту Леа, казалось, рассматривала варианты:

— Чёрные альвы любят красоту. Они жаждут её так, как дракон жаждет золота. Ты молода, мила, и… Я полагаю, тут подходит определение «горяча». Честная сделка обмена твоих милостей на вампира почти наверняка будет успешной, если предположить, что он до сих пор жив.

— Мы назовём это «планом Б», — сказала я. — Или, может быть, «планом Х». Или «планом ХХХ». Почему бы просто не вломиться и не похитить его?

— Дитя, — упрекнула меня Леанансидхе. — Свартальвы довольно хороши в Искусстве, и это одна из их крепостей. *Я* не смогла бы предпринять такую попытку и остаться в живых. — Леа склонила голову набок и окинула меня одним из тех чужеродных взглядов, от которых по моей коже начинали бегать мурашки. — Ты хочешь вернуть Томаса или нет?

— Я хочу рассмотреть варианты, — сказала я.

Фэйре-колдунья пожала плечами:

— Тогда я советую тебе сделать это как можно быстрее. Если он всё ещё жив, у Томаса Рейта в запасе считаные часы.

Я открыла дверь в квартиру Уолдо, закрыла и заперла ее за собой, затем сказала:

— Я нашла его.

Как только я повернулась к комнате, кто-то ударил меня по лицу.

Это не было лёгким шлепком типа: «Эй, проснись». Это было мощная оплеуха, от который было бы действительно больно, если бы удар был нанесён кулаком. Я ошеломлённо отшатнулась.

Подруга Уолдо, Энди, сложила руки на груди и на секунду уставилась на меня, прищурившись. Она была девушкой среднего роста, но она была оборотнем и была сложена как модель-кинозвезда, собирающаяся заняться профессиональным рестлингом.

— Привет, Молли, — сказала она.

— Привет, — ответила я. — И… ой.

Она подняла розовую пластиковую бритву:

— Давай поговорим о рамках?

Что-то уродливое где-то глубоко внутри меня обнажило свои когти и напряглось. Это было частью меня, той частью, которая хотела догнать Слухача и сделать с ним кое-что, связанное с железнодорожными костылями и канализационным сливом. У каждого человека есть что-то подобное где-то внутри. Чтобы пробудить это, нужны действительно ужасные вещи, но эта дикость живёт в каждом из нас. Это часть нас, которая вызывает бессмысленные злодеяния, та,

что ответственна за ад войны.

Никто не хочет говорить об этом, или даже думать об этом, но я не могла позволить себе подобное добровольное неведение. Я не всегда была такой, но после года борьбы с фоморами и тёмным закулисьем сверхъестественной сцены Чикаго я стала кем-то другим. Эта часть меня была бодрствующей и активной и постоянно устраивала конфликты между моими эмоциями и моей же рациональностью.

Я приказала этой своей части сесть на задницу и заткнуться.

— Хорошо, — сказала я. — Но позже. Я немного занята.

Я начала протискиваться мимо неё в комнату, но она быстро меня остановила, упершись рукой мне в грудь и толкнув назад к двери. Не похоже, что она старалась причинить боль, но я нехило ударилась о дерево.

— Сейчас самое время, — сказала она.

В моём воображении я сжала кулаки и, яростно крича, сосчитала до пяти. Уверена, Гарри никогда не приходилось иметь дело с такого рода глупостями. У меня не было лишнего времени, но я также не хотела делать ничего жестокого с Энди. Я пройду все круги ада, если сорвусь. Я

не отказала себе в удовольствии стиснуть зубы, глубоко вздохнула и кивнула:

— Хорошо. Чего ты хочешь, Энди?

Я не добавила слово «сука», но подумала о нём очень громко. Мне, наверное, надо стать более приятным человеком.

— Это не твоя квартира, — сказала Энди. — Ты не должна сюда заваливаться и сваливать всякий раз, как тебе, блин, захочется, вне зависимости от времени или того, что происходит. Ты хоть раз удосужилась остановиться и подумать о том, что ты творишь с Баттерсом?

— Я ничего не «творю» с Баттерсом, — ответила я. — Просто пользуюсь душем.

Голос Энди стал жёстче:

— Ты пришла сюда сегодня вся в крови. Я не знаю, что произошло, но знаешь что? Меня это не волнует. Всё, что меня волнует, так это то, какие проблемы ты можешь вывалить на других людей.

— Никаких проблем, — сказала я. — Слушай, я куплю тебе новую бритву.

— Господи Иисусе, дело не в собственности или деньгах, — сказала Энди. — Дело в уважении. Баттерс здесь для тебя всякий раз, когда тебе нужна помощь, а ты даже поблагодарить его не можешь.

Что, если за тобой проследили до этого места? Ты хоть представляешь, в какие проблемы он может вляпаться, помогая тебе?

— За мной не следили, — ответила я.

— Сегодня нет, — ответила Энди. — Но как насчёт следующего раза? У тебя есть сила. Ты можешь сражаться. У меня нет того, что есть у тебя, но даже я могу сражаться. Баттерс не может. Чей душ ты собираешься использовать, если будешь вся покрыта его кровью?

Я скрестила руки на груди и внимательно посмотрела мимо Энди. Некоторой частью своего мозга я знала, что она в чём-то права, но это рассуждение приходило где-то через секунду после моего внезапного желания врезать ей.

— Слушай, Молли, — сказала она более мягким голосом. — Я знаю, что в последнее время тебе было нелегко. С тех пор, как Гарри умер. Когда появился его призрак. Я знаю, это было не забавно.

Я просто молча на неё смотрела. Нелегко и не забавно. Это был один из способов описать это.

— Есть кое-что, что, думаю, тебе надо услышать.

— И что же это?

Энди немного наклонилась вперёд и твёрдо сказала:

— Смирись с этим.

На секунду в квартире стало очень тихо, в отличие от того, что творилось внутри меня. Моя уродливая часть становилась всё громче и громче. Я закрыла глаза.

— Люди умирают, Молли, — продолжила Энди. — Они уходят. И жизнь продолжается. Гарри, возможно, был первым другом, которого ты потеряла, но он не будет последним. Я понимаю, что тебе больно. Я понимаю, что ты пытаешься влезть в действительно большие ботинки. Но это не даёт тебе права злоупотреблять добрым отношением других. *Многие* люди страдают в последнее время, если ты не заметила.

Если бы я не замечала… Боже, я бы *убила* за возможность не замечать боль людей. Не жить рядом с ней. Не ощущать её отголоски часы или дни спустя. Уродливая часть меня, чёрная часть моего сердца, хотела открыть психический канал для Энди, *показать* ей пример того, через что я регулярно прохожу. Дать *ей* увидеть и оценить мою жизнь. И посмотрим, будет ли она потом такой праведной. Это было бы неправильно, но…

Я медленно вздохнула. Нет. Гарри сказал мне однажды, что вы всегда можете узнать, когда собираетесь оправдать свой путь к плохому реше-

нию. Это когда вы начинаете использовать такие фразы, как: «Это было бы неправильно, но…» Его советом было выкинуть «но» из предложения: «Это было бы неправильно». И всё тут.

Я удержалась от опрометчивых действий и не дала свободы нарастающему внутри меня буйству чувств.

— Что именно ты от меня хочешь? — спокойно спросила я.

Энди неглубоко вздохнула и вяло махнула рукой:

— Просто… вынь голову из задницы, подруга. Я же не веду себя здесь неразумно, даже учитывая, что мой парень дал тебе ключ от своей долбаной квартиры.

Я аж заморгала от таких слов. Вот это да. С этой точки зрения поступок Баттерса я не рассматривала. Романтика и романтические ссоры в последнее время занимали последние строчки в списке моих приоритетов. Энди нечего было опасаться на этом фронте… но, кажется, она не слишком разбиралась в человеческих чувствах, чтобы можно было убедить её в противном. Теперь я знала, что беспокоило её. Конечно, она не ревновала, но отчётливо понимала, что я молодая девушка, которую многие мужчины находили

привлекательной, а Уолдо тоже был мужчиной.

Мужчиной, которого она любит. Это я тоже чувствовала.

— Подумай о нём, — тихо сказала Энди. — Пожалуйста. Просто… попытайся позаботиться о нём, как он заботится о тебе. Например, звони перед приходом. Если ты заявишься сюда вся в крови в следующий субботний вечер, ему будет очень неловко объяснять это своим родителям.

Скорее всего, я почувствую присутствие незнакомцев в квартире, ещё до того, как подойду достаточно близко, чтобы коснуться двери. Но не было никакого смысла говорить об этом Энди. Не её вина, что она действительно не понимает мир, в котором я живу. И конечно, она не заслуживает смерти за это, несмотря на противоположное мнение моего внутреннего ситха.

Я должна выбирать, советуясь с разумом. Моему разбитому сердцу больше нельзя доверять.

— Я постараюсь.

— Вот и ладно, — сказала Энди.

На секунду пальцы моей правой руки задрожали, и я обнаружила, что моя уродливая часть жаждет метнуть в другую женщину сгусток силы, хочет ослепить её, оглушить, устроить ей такое головокружение, что она ещё долго не сможет

определить, где верх, а где низ. Леа показала мне, как это сделать. Но я загнала желание атаковать обратно под свой контроль.

— Энди, — вместо этого сказала я.

— Чего?

— Не бей меня больше, если не собираешься убить.

Я не собиралась ей угрожать. Просто я, как правило, инстинктивно реагирую, когда события принимают крутой оборот. Психическая турбулентность такого рода конфликта больше не заставляет меня упасть, крича от боли, но становится очень трудно ясно мыслить под бешеный рёв уродливой части меня. Если Энди снова меня так ударит… ну. Я не совсем уверена, как тогда отреагирую.

Я не безумна, как Шляпник. Я вполне в этом уверена. Но курсы выживания имени Тетушки Леа заставляют тебя быть готовой защищаться всерьёз, а не играть с другими в хорошую девочку-пацифистку.

Угроза или нет, Энди чувствовала свою роль в конфликте и не отступила:

— Если я не буду считать, что ты нуждаешься в хорошей оплеухе, то и не буду тебе её отвешивать.

Уолдо и Жюстина выходили, чтобы прикупить что-нибудь на ужин, и вернулись минут через десять. Мы все сели есть, и в процессе я сообщила о ситуации.

— Свартальфхейм, — прошептала Жюстина. — Это… это нехорошо.

— Это норвежские ребята, не так ли? — спросил Баттерс.

Я просвещала их в промежутках между прожёвыванием кусков оранжевого цыпленка, передавая то, что узнала от Леанансидхе. Как только я закончила, ненадолго воцарилось молчание.

— Так… — сказала Энди после короткой паузы. — План состоит в том, чтобы… вытрахать его свободу?

Я внимательно на неё посмотрела.

— Просто спрашиваю, — мягко ответила Энди.

— Они ни за что его не продадут, — сказала Жюстина низким напряжённым голосом. — Не сегодня ночью.

Я посмотрела на неё:

— Почему нет?

— Они сегодня заключили союз, — сказала она. — Ночью там будет празднование. Лара была приглашена.

— Что за союз? — спросила я.

— Пакт о ненападении, — ответила Жюстина. — С фоморами.

Я чувствовала, как мои глаза расширяются.

Ситуация с фоморами становилась всё хуже и хуже. Чикаго было далеко до самых опасных городов-сафари мира, но для обладателей даже самого скромного магического таланта фоморы превратили улицы в ночной кошмар. У меня не было такого доступа к подобной информации, какой у меня был в период работы с Гарри и Белым Советом, но я слышала новости из Паранета и из других источников. Фоморы были звёздной командой плохих парней, уцелевшими изгоями и злодеями из десятка различных пантеонов, павших давным-давно. Они объединились под знаменем группы существ, известных как фоморы, и тихо залегли на дно на весьма длительное время — на тысячи лет, если точнее.

Теперь они перешли в наступление, и даже такие мощные игроки, как Свартальфхейм, нация чёрных альвов, уходили с их дороги.

Блин, я не настолько волшебница, чтобы справиться с этим.

— Лара, должно быть, отправила туда Томаса с какой-то целью, — продолжила Жюстина. —

Украсть информацию, как-то разрушить союз. Что-то вроде этого. Проникновение без приглашения — это уже плохо. Если же его поймали при попытке шпионажа за ними…

— Они устроят показательную казнь, — сказала я спокойно. — Сделают из него пример.

— Сможет ли Белая Коллегия его вытащить? — спросил Уолдо.

— Если Белая Коллегия попытается вернуть одного из своих, это будет равноценно признанию, что они заслали агента шпионить в Свартальфхейм, — ответила я. — Лара не сможет этого сделать без серьёзных последствий. Она будет отрицать, что незаконное проникновение Томаса имеет что-либо общее с ней.

Жюстина встала и напряжённо заметалась по комнате:

— Мы должны идти. Мы должны что-то сделать. Я заплачу цену; я заплачу её десятикратно. Мы должны что-то *сделать*!

Я отщипнула ещё несколько кусков от оранжевого цыпленка, хмурясь и раздумывая.

— Молли! — крикнула Жюстина.

Я смотрела на цыплёнка. Мне понравилось, как апельсиновый соус контрастирует с тёмно-зелёным брокколи и мягкими белыми контурами

риса. Три цвета составили приятную комбинацию. Это было… красиво, правда.

— Они жаждут красоты, как дракон жаждет золота, — пробормотала я.

До Баттерса, казалось, дошло, что у меня крутится в голове мысль. Он откинулся на спинку стула и чёткими движениями продолжал есть палочками лапшу из коробки. Ему не нужно было даже смотреть, чтобы их использовать.

Секунду спустя Энди взяла свои палочки и склонила голову набок.

— Молли? — спросила она.

— Они устраивают сегодня вечером вечеринку, — сказала я. — Верно, Жюстина?

— Да.

Энди нетерпеливо кивнула:

— И что же мы будем делать?

— Мы, — ответила я, — идём по магазинам.

Я та ещё пацанка. Не потому, что я не люблю быть девочкой или что-то в этом роде, в основном я думаю, что быть ею очень даже мило. Но мне нравится бывать на свежем воздухе, испытывать физические нагрузки, изучать разные вещи, читать и строить. В принципе, я никогда сильно не погружалась в «девичьи аспекты» женского бытия. Энди была немного более продвинута в

этом вопросе. В этом можно обвинить тот факт, что её мать не воспитывала её, как моя мамуля меня. В моём доме имелся макияж для походов в церковь и для женщин лёгкого поведения.

Знаю, знаю: уму непостижимые противоречия. У меня были проблемы задолго до того, как я связалась с магией, уж поверьте мне.

Я не была уверена, как сделать то, что нам нужно, чтобы ещё и успеть на вечеринку, но, как только я объяснила, что нам нужно, то узнала, что, когда дело доходит до убойной женственности, Жюстина становится круче варёных яиц.

Через несколько минут за нами прибыл лимузин и доставил нас в частный салон красоты в Чикаго-Луп[6], где Жюстина достала совершенно белую, без опознавательных знаков, кредитную карту. Около двадцати сотрудников — консультантов по гардеробу, парикмахеров, визажистов, портных и специалистов по подбору аксессуаров — развили бурную деятельность и полностью экипировали нас для нашей миссии чуть больше чем за час.

На этот раз я никак не могла оторваться от зеркала. Я пыталась смотреть на отражающуюся в

[6] Примечания: 6

Чикаго-Луп — исторический деловой центр Чикаго, где преобладают знаменитые небоскребы (*прим. книгодела*).

нём молодую женщину объективно, как если бы она была кем-то другим, а не той, которая помогла убить человека, которого любила, а затем снова подвела его, будучи не в силах предотвратить уничтожение даже его призрака из-за его решимости защищать других. Эта сука заслуживала попасть под поезд или что похуже.

Девушка в зеркале была высокой, с натуральными белокурыми волосами, которые были зачёсаны наверх, открывая шею, и удерживались блестящими чёрными заколками. Она выглядела худощавой, наверное, слишком худой, но благодаря хорошему мышечному тонусу не смахивала на анорексичку или наркоманку. Маленькое чёрное платье, которое на ней было надето, наверняка заставило бы прохожих оборачиваться. Она казалась немного усталой, даже с умело нанесённым макияжем. Она была красива — если вы не знали её и если вы не слишком усердно вглядывались в то, что творилось в её голубых глазах.

Белый лимузин подъехал, чтобы забрать нас, и мне удалось доковылять до него на высоченных каблуках, не свалившись.

— О, мой Бог, — сказала Энди, когда мы сели. Рыжая красотка вытянула ноги и покачала ими в воздухе. — Я обожаю эти туфли! Если мне при-

дётся их скинуть, чтобы обернуться волком и вцепиться кому-нибудь в глотку, я буду скулить от обиды.

Жюстина улыбнулась ей, но потом посмотрела в окно, и её прекрасное лицо вновь стало отстранённым и печальным:

— Это же просто туфли.

— Туфли, которые заставляют мои ноги и задницу выглядеть классно! — возразила Энди.

— Туфли, которые причиняют боль, — парировала я. Раненая нога, возможно, уже зажила, но передвижение в этих пыточных устройствах на шпильках было для меня в новинку, вследствие чего от лодыжки до бедра расползалась постоянная боль. Последнее, что мне нужно, это мышечная судорога, из-за которой я могу упасть, как было, когда я впервые снова начала ходить. Любая обувь с таким высоким каблуком должна идти в комплекте со страховочной сеткой. Или с парашютом.

Мы были в одинаковых нарядах: стильные маленькие чёрные платья, чёрные колье и чёрные туфли, провозглашающие наши надежды на то, что мы не будем проводить много времени стоя. У каждой из нас был также маленький кожаный

итальянский клатч[7]. В свой я запихнула большую часть своего магического снаряжения. У всех нас волосы были зачёсаны в незначительно отличающиеся по стилю прически. Некоторые подделки картин эпохи Ренессанса не удостоились такого количества художественного внимания, как наши лица.

— Нужно просто почаще в них ходить, — сказала Жюстина. — Ты уверена, что это сработает?

— Конечно, сработает, — спокойно ответила я. — Ты же бываешь в клубах, Жюстина. Нас втроём пропустят вне очереди в любом заведении города. Мы же классические горячие цыпочки.

— Прямо как девушки Роберта Палмера[8], — сухо сказала Энди.

— Я предпочитаю Ангелов Чарли, — ответила я. — Да, кстати говоря, — я открыла клатч и вытащила кристалл кварца размером с мой палец. — Босли[9],ты меня слышишь?

---

[7] Примечания: 7

Клатч (от англ. clutch — схватить) — это маленькая элегантная дамская сумочка, изначально элемент вечернего гардероба. Обычно у клатча нет ручек, его носят, обхватив ладонью или под мышкой.

[8] Примечания: 8

Роберт Аллен Палмер (англ. Robert Allen Palmer) — английский певец, гитарист, автор песен.

[9] Примечания: 9

Джон Босли — персонаж фильма «Ангелы Чарли».

Секунду спустя кристалл завибрировал в моих пальцах, и мы услышали исходящий от него слабый голос Баттерса:

— Громко и чётко, Ангелы. Думаешь, они будут работать, когда вы окажетесь внутри?

— Зависит от их паранойи, — ответила я. — Если они просто параноики, то у них там будет защита, глушащая любые магические средства связи. Если же они убийственные параноики, то у них будет защита, позволяющая нам переговариваться так, чтобы они могли всё услышать и потом убить нас.

— Забавно, — сказал Баттерс. — Ладно, я запустил чат Паранета. Не знаю, поможет ли, но Коллективный Разум теперь онлайн.

— И что ты узнал? — поинтересовалась Энди.

— Они похожи на людей, — ответил Уолдо. — Их реальный облик… ну, тут небольшая дискуссия, но в основном все согласны, что они смахивают на инопланетян.

— На Чужих или на серых человечков из Розуэлла? — спросила я.

— На тех, что из Розуэлла. Более-менее. Они могут носить маски из плоти, похожие на те, что носили вампиры Красной Коллегии. Так что знай — они будут замаскированы.

— Поняла, — сказала я. — Что-нибудь ещё?

— Не очень много, — ответил он. — Слишком много разной инфы, и непонятно, что тут правда. У них может быть аллергия на соль. Возможно, у них сверхъестественный невроз и они бесятся, если ты носишь одежду наизнанку. Возможно, они каменеют от солнечного света.

Я зарычала:

— Ладно, стоило попробовать. Хорошо. Продолжай дискуссию, и я вернусь к тебе, если смогу.

— Понял, — сказал он. — Только что Марси пришла. Возьму с собой ноутбук, и когда соберётесь уходить оттуда, мы будем ждать вас рядом с восточным крылом здания. Как ты выглядишь, Энди-конфетка?

— Сногсшибательно, — уверенно ответила Энди. — Подолы этих платьев примерно на дюйм короче, чем у распутных нимфоманок.

— Кто-нибудь, сфотографируйте это, — сказал он весело, но я слышала в его голосе нотки беспокойства. — Скоро увидимся.

— Ишь, губу раскатал, — усмехнулась я. — Скоро увидимся.

Я убрала кристалл и постаралась проигнорировать копошение бабочек в моём животе.

— Это не сработает, — пробормотала Жюстина.

— Сработает, — ответила я ей, сохраняя уверенный тон. — Мы войдём на всех парах. И да пребудет с нами Сила Сисек.

Жюстина взглянула на меня, выгнув бровь.

— Сила Сисек?

— Сила Сисек — это больше, чем просто сиськи, Жюстина, — трезво заявила я ей. — Это энергетическое поле, создающееся всеми живыми сиськами. Оно окружает нас, проникает в нас и связывает галактику вместе.

Энди начала хихикать:

— Дура ненормальная.

— Зато это прагматично, — сказала я и настроилась в следующий раз выкрутиться получше. — Просто отпусти сознание и действуй инстинктивно.

Пару секунд Жюстина непонимающе смотрела на меня. Потом её лицо просветлело, и она усмехнулась:

— Сила Сисек с нами?

Я не могла удержаться от слабой улыбки:

— Всегда.

Лимузин влился в линию аналогичных машин, выгружающих людей у входа в крепость свартальвов. Швейцар открыл нашу дверь, и я высунула ноги наружу, пытаясь выйти из машины,

не «засветившись» всем вокруг. Энди и Жюстина вышли вслед за мной, и я уверенно направилась к входу, они же пристроились по флангам. Наши каблуки щёлкали почти в унисон, и я вдруг почувствовала, что все смотрят на нас. Облако мыслей и эмоций было ответом на наше присутствие: в основном удовольствие, смешанное с желанием, явной похотью, ревностью, тревогой и удивлением. Было больно чувствовать всё это копошение внутри своей головы, но это необходимо. Я не чувствовала никакой открытой враждебности или тяги к насилию, а момент предупреждения между ощущением намерения злоумышленника и самой атакой может спасти наши жизни.

Охранник у двери пристально смотрел, как мы подходим, и я чувствовала бурлящие внутри него примитивные плотские желания. Всё же ему удалось убрать следы этих желаний с лица, из голоса и из языка тела.

— Добрый вечер, дамы, — сказал он. — Могу ли я увидеть ваши приглашения?

Я вздёрнула бровь, одарила его тем, что, надеюсь, было соблазнительной улыбкой, и попыталась ещё больше выгнуть спину. Сила Сисек «в полном развороте» раньше всегда срабатывала:

— Тебе не нужно смотреть наши приглашения.

— Э-ээ… — сказал он. — Мисс… вообще-то нужно.

Энди встала рядом со мной и выдала ему такую «улыбку сексуального котёнка», что я на секунду её немного возненавидела:

— Нет, не нужно.

— Э-э, — сказал он, — да. Тем не менее…

Жюстина встала с другой стороны. Она выглядела скорее слащавой, чем сексуальной, но лишь чуть-чуть:

— Уверена, это просто недоразумение, сэр. Вы не могли бы спросить своего руководителя, можем ли мы пройти на приём?

Он долго на нас смотрел, явно колеблясь. Потом его рука медленно потянулась к рации, висящей у него на боку, и поднесла девайс ко рту. Через минуту изящный, маленький человек в шёлковом костюме вышел из здания и окинул нас до-о-олгим взглядом.

Интерес, который я чувствовала от охранника, был довольно обычным. Это была всего лишь искра, инстинктивная реакция любого мужчины на желаемую женщину.

То, что шло от нового парня, было… это было похоже на поток пламени. Он горел в тысячу раз жарче и ярче и не утихал со временем. Я чувство-

вала раньше чужие жажду и желание. Это же было настолько глубже и шире, чем обычная похоть, что не думаю, что для этого есть подходящее слово. Это было… обширное и нечеловеческое стремление, смешанное с жёсткой и ревнивой любовью и приправленное сексуальной тягой и желанием. Это было как стоять рядом с крошечным солнцем, и я вдруг поняла, что именно Тетушка Леа пыталась сказать мне.

Огонь жаркий. Вода мокрая. А свартальвы при виде симпатичных девушек превращаются в сосунков. И они не в силах изменить свою природу, как не могут влиять на движение звёзд.

— Дамы, — сказал новый парень, улыбаясь нам. Это была очаровательная улыбка, но в то же время что-то далёкое и беспокойное было в его лице. — Пожалуйста, дайте мне минуту, чтобы предупредить других моих сотрудников. Мы почтём за честь, если вы присоединитесь к нам.

Он повернулся и вошёл в здание.

Жюстина искоса на меня посмотрела.

— Сила Сисек оказывает большое влияние на слабые умы, — сказала я.

— Я буду чувствовать себя лучше, если он не начнёт вести себя, как Дарт Вейдер, — прошептала Энди. — От него странно пахнет. Он не?..

— Да, — прошептала я в ответ. — Один из них.

Человек в шёлковом костюме вновь появился, всё еще улыбаясь, и открыл нам дверь.

— Дамы, — сказал он, — я мистер Этри. Пожалуйста, заходите.

Я никогда не в жизни не видела места роскошней внутренних покоев свартальвской цитадели. Ни в журналах, ни в кино. Даже в сериале «Дома звезд» и то всё было победнее.

Везде тонны гранита и мрамора. Были участки стены, инкрустированные драгоценными и полудрагоценными камнями. Светильники были изготовлены из чего-то, выглядевшего, как чистое золото, а выключатели, похоже, были вырезаны из слоновой кости. Охранники были размещены через каждые двадцать-тридцать футов, наблюдая за всем, не меняя позы, как эти парни перед Букингемским дворцом, только без больших медвежьих шапок. Свет как будто излучался отовсюду и из ниоткуда, истончая и уничтожая все тени, не будучи при этом слишком ярким для глаз. Витающая в воздухе музыка была какой-то старой классическая вещью, исполняемой на одних струнных без всякого следа ударных.

Этри провел нас вниз через пару прихожих в огромный бальный зал. Он был в точности как

в старинных дворцах (кстати, я точно уверена, что подобная громадина в принципе не могла *уместиться* в здании, в которое мы только что вошли) и был заполнен множеством богато выглядевших людей в богато выглядевших одеждах.

Мы задержались у двери, и пока Этри остановился поговорить с очередным охранником, я воспользовалась моментом, чтобы окинуть взглядом зал. Несмотря на большое количество гостей, ему было далеко до того, чтобы считаться заполненным. Я узнала пару знаменитостей, людей, чьи имена вы бы узнали, назови я их. Было несколько сидхе, снизивших уровень своего гламура с потрясающего физического совершенства до обычной экзотической красоты. Также я заметила Джентльмена Джонни Марконе, главу чикагской мафии, вместе с его гориллой Хендриксом и личной боевой ведьмой Гард, кружившими вокруг него. Было некоторое количество людей, кто, я уверена, были вовсе не людьми: я чувствовала, как вокруг них моё восприятие размывается, как если бы они были отрезаны от меня тонкой завесой падающей воды.

Но я не видела Томаса.

— Молли, — еле слышно прошептала Жюсти-

на. — Он?..

Поисковое заклинание, сфокусированное на моих губах, всё ещё функционировало, и слабое покалывание говорило мне, что Томас рядом, где-то ниже в здании.

— Он жив, — сказала я. — Он здесь.

Жюстина вздрогнула и глубоко вздохнула. Потом медленно моргнула, один раз, при этом её лицо ничего не выражало. Я почувствовала одновременно исходящие от неё волны облегчения и страха, сменившиеся внезапным взрывом эмоций, которые призывали её кричать, бороться или разрыдаться. Она ничего этого не сделала, и я отвела взгляд, чтобы дать ей иллюзию, будто я не заметила, что она была на грани нервного срыва.

В центре зала находился небольшой каменный помост, с ведущей наверх лестницей. На помосте стоял длинный стол из того же материала. На нём лежал большой плотный лист бумаги и аккуратный ряд авторучек. В этом было что-то торжественное и церемониальное.

Жюстина тоже посмотрела туда:

— Должно быть, это он.

— Договор?

Она кивнула.

— Свартальвы очень методичны во всех делах. Они подпишут договор ровно в полночь. Они всегда так делают.

Энди с задумчивым видом побарабанила пальцем по бедру:

— А если с их договором что-то случится? Я имею в виду, что, если кто-нибудь прольёт на него вино, или что-то ещё? Это отвлекло бы их внимание, я уверена — и может быть, дало двоим из нас возможность проскользнуть в дальние помещения.

Я покачала головой:

— Нет. Мы здесь гости. Ты поняла?

— Э-э. Не очень.

— Свартальвы — старая школа, — сказала я. — *Действительно* старая школа. Если мы нарушим порядок, когда они пригласили нас на свою территорию, то мы нарушим обязанности гостей и проявим неуважение к хозяевам — прямо в открытую, на глазах у всего сверхъестественного сообщества. Их реакция будет… плохой.

Энди нахмурилась и спросила:

— Тогда что мы будем делать дальше?

Почему люди продолжают спрашивать меня об этом? Это что, участь всех чародеев? Я, должно быть, задавала этот вопрос Гарри сотни раз, но

никогда не понимала, как тяжело на него отвечать. Гарри всегда знал, что делать дальше. Всё, что могла сделать я, это отчаянно импровизировать и надеяться на лучшее.

— Жюстина, — спросила я, — ты знаешь кого-нибудь из собравшихся здесь?

Будучи личной помощницей Лары Рейт, Жюстина общалась с большим количеством людей — и не совсем людей. Лара запустила так много пальцев в такое количество пирогов, что эта шутка почти теряла смысл, а Жюстина видела, слышала и понимала гораздо больше, чем кто-либо мог предположить. Седовласая девушка оглядела комнату, взгляд её тёмных глаз перебегал с лица на лицо:

— Некоторых.

— Отлично. Давай, походи тут, посмотри, вдруг что-то выяснишь, — сказала я. — Будь повнимательнее. Если заметишь, что за нами отправили отряд отморозков, хватай кристалл и предупреди нас.

— Ладно, — прошептала Жюстина. — Будьте поосторожней.

Вернулся Этри, снова улыбнулся, но без всякого выражения в глазах, что выглядело странно и пугающе. Он щёлкнул пальцами, и к нам подплыл

человек в смокинге с напитками на подносе. Мы разобрали по бокалу, Этри тоже. Подняв бокал, он произнёс:

— Вы желанные гости, леди. За красоту.

Повторив этот тост, мы дружно выпили. Я лишь чуть-чуть прикоснулась губами к жидкости. Это было шампанское, очень хорошего сорта. Оно пенилось, и до алкоголя я едва дотянулась. По поводу яда я не тревожилась. Этри вряд ли позволил нам выбирать бокалы, прежде чем взять свой.

Меня больше заботило, что я вообще задумалась над возможностью отравления и тем, что отслеживала все движения Этри, пока тот обхаживал нас. Не паранойя ли наступает? Тогда мне казалось это разумным.

Кажется, я запуталась сильней, чем сама думала.

— Прошу. Наслаждайтесь вечеринкой, — сказал Этри. — Боюсь, но я вынужден настаивать на танце с каждой из вас, прекрасные барышни, по мере появления свободного от обязанностей времени. Кто будет первой?

Жюстина подарила ему заряженную Силой Сисек улыбку и протянула ладонь. Если бы мне выкручивали руки, я бы призналась, что Жюстина самая красивая девушка в нашем трио, а Этри

явно был в этом убеждён. Его глаза на мгновение оживились перед тем, как он взял Жюстину за руку и вывел на танцевальную площадку. Их пара растворилась в движущейся толпе.

— В любом случае, я не могу заниматься этими бальными штучками, — сказала Энди. — Кардан не так широко раскачивается. Двигаемся дальше?

— Двигаемся дальше, — кивнула я. — Вперёд.

Я, следя за покалыванием на губах, развернулась, и мы вместе направились к противоположной стороне бального зала, где находились двери, ведущие вглубь здания. Охранников возле них не было, но по мере приближения Энди начала замедлять шаг. Она посмотрела в сторону стола с закусками и на моих глазах повернула к ним.

Я схватила её за руку и зашипела:

— Постой. Ты куда собралась?

— Хмм, — она нахмурилась. — Нам туда?

Я включила свои сенсорные способности и почуяла тончайшее плетение магии в воздухе возле дверного проёма, лёгкую паутину. Это была своего рода завеса, созданная для отвлечения внимания любого, кто приблизится, от входа к чему-то другому в комнате. Она заставила стол с закусками выглядеть вкуснее. Если бы Энди на

глаза попался парень, то он казался бы привлекательней, чем на самом деле.

Со мной почти год возилась могучая ведьма-фэйре, набрасывая на меня завесы и чары, наращивая мою ментальную защиту, а несколько месяцев назад я выдержала двенадцать раундов на психическом боксёрском ринге с чемпионом-некромантом. Нежные магические кружева совершенно незаметно для меня столкнулись с ментальными щитами.

— Это магия, — объяснила я Энди. — Не давай ей управлять тобой.

— Что? — удивилась она. — Ничего такого не чувствую. Просто проголодалась.

— И не почувствуешь, — сказала я. — Она так и работает. Возьми меня за руку и закрой глаза. Доверься мне.

— Если бы мне давали пять центов каждый раз, когда плохой вечер хорошо начинался, — пробормотала она. Но всё-таки положила руку на мою и закрыла глаза.

Я направилась вместе с ней к двери и почувствовала, как по мере приближения растет её напряжение, но затем мы прошли через дверной проём, и она вздохнула, бурно, моргая широко открытыми глазами:

— Ух ты. Это было… нечто.

— Ты только что распознала наложенные чары, — пояснила я. — Если о них не знаешь, то не можешь им сопротивляться.

Коридор, где мы стояли, выглядел так же, как любой другой в обычном офисном здании. Я подёргала ручку ближайшей двери и убедилась, что та заперта. Как, впрочем, и все следующие, но за последней дверью оказался пустой конференц-зал, и я проскользнула внутрь.

Я нащупала кристалл внутри маленького клатча и окликнула:

— Босли, ты меня слышишь?

— Громко и ясно, Ангелы, — донёсся голос Уолдо. Ни один из нас не использовал настоящие имена. Кристаллы, вероятно, должны защищать от подслушивания, но год, проведённый с Леа и с её подлыми шутками, как и каждодневный жизненный опыт, научили меня не делать множества предположений.

— Ты смог найти планы этажей?

— Получил около девяноста секунд назад. Владельцы здания передали всё городской администрации в трёх экземплярах, в том числе электронные копии, которые я сейчас просматриваю, благодаря работе коллективного разума.

— Это сильная сторона компьютерных фанатов, — сказала я. — Передай им, что они хорошо поработали, босс.

— Передам, — ответил Уолдо. — Люди, которых вы решили навестить, очень внимательные, Ангелы. Будьте осторожны.

— Когда это я не была осторожна? — сказала я.

Энди стояла на стрёме у стены рядом с дверью, где могла сразу схватить любого, открывшего дверь.

— Ой ли?

Я не смогла удержаться от лёгкой улыбки:

— Думаю, что наш заблудившийся ягнёнок в крыле здания к западу от приёмного зала. Что там?

— Гм… кабинеты, похоже. Второй этаж, тоже кабинеты. Третий этаж, опять каби… Опаньки.

— Что ты нашёл?

— Хранилище, — ответил Уолдо. — Из армированной стали. Огромное.

— Ха, — сказала я. — Хранилище из армированной стали? Двадцать баксов на то, что это темница. С него и начнём.

— Что бы это ни было, оно в подвале. Там должна быть лестница, ведущая вниз, в конце коридора, идущего от приёмного зала.

— Бинго, — сказала я. — Будь на связи, Босли.

— Договорились. Ваша карета ждёт.

Я убрала кристалл и начала надевать кольца. Надев их все, достала свои жезлы и вдруг поняла, что не смогу нести их в каждой руке, одновременно держа клатч.

— Надо было взять мою сумку с ремешком через плечо, — пробормотала я.

— С этим платьем? — усмехнулась Энди. — Шутишь?

— И то верно.

Я достала кристалл и засунула его в декольте, зажала по одному маленькому жезлу в каждом кулаке и кивнула Энди:

— Без разницы, хранилище это или темница, там будут охранники. Я собираюсь сделать так, чтобы им трудно было увидеть нас, но нам, возможно, придётся двигаться быстро.

Энди посмотрела на свои туфли и горестно вздохнула. Затем сняла их и стянула маленькое чёрное платье. Под ним на ней ничего не было. Она закрыла глаза на секунду, и её фигура, казалось, размылась и растаяла. Вервольфы не проходят через драматические, болезненные трансформации, за исключением самой первой, я уже говорила. Это выглядело так естественно,

словно живое существо просто повернулось по кругу и присело. Только что рядом со мной стояла Энди, а через секунду на её месте сидел крупный волк рыжеватой масти.

Это была очень крутая магия. Я собираюсь однажды выяснить, как всё это делается.

— Никакого кровопролития, за исключением случаев крайней необходимости, — сказал я, снимая свои пыточные приспособления на шпильках. — Я постараюсь сделать всё быстро и безболезненно. Если потребуется, будем применять насилие, но нельзя убивать никого, имеющего ценность для свартальвов.

Энди зевнула в ответ.

— Готова? — спросила я.

Энди резко, решительно кивнула своей волчьей головой. Я использовала маскирующую магию, создав вокруг нас самую лучшую завесу, какую могла, и свет вокруг потускнел, цвета поблёкли. Нас стало почти невозможно увидеть. Кроме того, каждый, кто будет проходить в пятидесяти или шестидесяти футах от нас, испытает внезапное желание заняться самоанализом и так глубоко задумается о правильности своего жизненного пути, что практически не будет иметь шанса нас заметить, пока мы не производим шума.

Мы прокрались в холл, Энди держалась рядом. Мы нашли лестничную клетку, о которой говорил Баттерс, и я открыла ведущую туда дверь. Я не вошла первой. Лучшего гида, чем оборотень, вам не найти, а с Энди я работала за последний год довольно-таки часто, так что наши манёвры были отработанными.

Энди вошла первой, двигаясь абсолютно беззвучно. Её уши стояли торчком, в напряжении, а нос подёргивался. Волки имеют невероятно острый нюх, равно как и слух. Если кто-то был поблизости, Энди учуяла бы их. Прошло напряжённых полминуты, и она подала мне сигнал, присев, сообщая о том, что вокруг никого не было. Я расслабилась и подошла к ней, после чего уже своим магическим чутьём начала искать различные магические штучки вроде оберегов. На первом пролёте оказались несколько, однако простых, что-то наподобие магической проволоки, натянутой меж стенами.

К счастью, тётушка Леа научила меня, как обходить такие обереги. Я совершила усилие воли и внесла некоторые изменения в нашу завесу, после чего кивнула Энди, и мы медленно начали спускаться по лестнице. Мы проскользнули через невидимые поля магии, не задевая их, и напра-

вились в подвал.

Я проверила дверь в конце лестничного пролёта, и она оказалась открытой.

— Слишком уж просто, — буркнула я. — Должно быть заперто. Это тюрьма или где?

Энди испустила низкий, грудной рык, и я почувствовала её согласие и подозрение.

Мой рот всё ещё переживал эти странные щекотливые ощущения, однако они усилились по мере того, как я подошла к подвалу. Томас был рядом.

— Что ж, полагаю, выбора у нас не много.

Я открыла дверь, как можно медленнее и тише.

Открыв дверь, я ожидала увидеть что-то вроде подземелья и тюремных камер, однако ничего такого не открылось моему взору. Даже наоборот. Энди и я обнаружили длинный коридор, который выглядел не менее богато, чем этаж выше, щедро украшенный множеством больших дверей с резным орнаментом. На каждой двери имелось число, отлитое, как казалось, из чистого серебра. Приглушённое освещение было очень даже стратегически размещено по периметру всего коридора, оставляя его уютно затенённым, одновременно не создавая впечатления темноты.

Низкий, гортанный рык Энди внезапно стал похож на писклявый, смущенный голос. Она склонила голову на бок.

— Угу, — сказала я в полном замешательстве. — Выглядит как… гостиница. Вон, даже указатель пожарного выхода на стене есть.

Энди тряхнула своей волчьей головой, и я почувствовала достаточно эмоций, чтобы понять значение этого жеста: «Что за чертовщина?»

— Знаю, знаю… — ответила я. — Это что, апартаменты свартальвов? Гостевые номера?

Энди пристально посмотрела на меня и пошевелила кончиками ушей. По её виду ясно читалось: «Чего ты меня спрашиваешь, я даже говорить не могу».

— Да знаю я. Просто мысли вслух.

Энди моргнула, повела ушами и одарила меня косым, пристальным взглядом: «Ты что, слышишь меня?»

— Не столько слышу, сколько… понимаю.

Она на небольшое, едва заметное расстояние отступила от меня, именно тогда, когда я подумала, что всё это не может стать ещё более странным.

Я блеснула зубами в широкой, злобной ухмылке и применила «безумный взгляд», которым

раньше пугала своих младших братьев и сестёр.

Энди фыркнула и начала принюхиваться. Я внимательно следила за ней. Шерсть на её загривке встала дыбом, и она присела. Слишком много запахов и прочего было здесь. Было также и что-то знакомое, однако, не очень приятное.

— Пошли уж. Томас рядом.

Мы начали продвигаться вперёд, и я повернула своё лицо аккурат в сторону этого щекотливого ощущения от моего выслеживающего заклятия. Немного скорректировав курс, мы оказались по правой стороне. Когда я оказалась напротив комнаты номер шесть, ощущения махом перенеслись на уголок моего рта, и я повернулась в сторону этой комнаты:

— Здесь. Шестая.

Энди безостановочно оглядывалась вперёд и назад по коридору. Уши её тоже подёргивались, пытаясь уловить любые звуки. Мне это не нравилось.

— Слишком просто, — прошептала я. — Слишком уж просто.

Я дотянулась до дверной ручки, но внезапно остановилась. Всё это было неправильно, и об этом кричал как мой разум, так и моё чутьё. Если Томас был пленником Свартальфхейма, то где

клетки, цепи, замки, засовы, стража, в конце-то концов? И если его не удерживали против воли, что он тут *вообще* делал?

Когда вы оказываетесь в ситуации, когда абсолютно ничего не вяжется, это обычно происходит по одной причине — неверная информация. Её можно получить некоторыми способами. Иногда вы просто в корне неправы. Однако чаще, и что важнее, опаснее, ваша информация неверна потому, что вы делаете неправильные выводы.

Но хуже всего, когда кто-то намеренно скармливает вам эту неверную информацию, а вы, как сосунок-первогодка, принимаете её без всяких на то сомнений.

— Тётушка, — я выдохнула. — Она *обманула* меня.

Леа послала меня именно в это здание не для того, чтобы спасти Томаса, или, по крайней мере, не только ради этого. К тому же то, что она обучила меня тому, как обходить магические обереги, которыми пользовались свартальвы… чёрта с два это было простым совпадением. У неё были свои причины на то, чтобы я оказалась в этом здании, именно этой ночью.

Я проиграла наш разговор в уме и чертыхнулась. Ничего из того, что она мне сказала, не было

ложью, однако она выставила всё в таком свете, чтобы я пришла к неверным выводам, а именно — Томаса надо было спасти, и только я могла сделать это. Я не знала причин Леанансидхе, однако она чертовски постаралась для того, чтобы я оказалась здесь.

— Эта скрытная, двусмысленная, коварная *сука*. Когда я увижу её, я собира…

Энди испустила внезапный низкий гортанный рык, и я тут же заткнулась.

Дверь наверху отворилась, и этот ублюдок Слухач со своей свитой начал спускаться вниз, по направлению к нам.

Слухач был стройным, подтянутым мужчиной среднего роста. Его волосы были острижены по-армейски коротко. Кожа его была бледной, а тёмные глаза имели жёсткий и умный взгляд. Я вместе с оборотнями пыталась убрать его несколько раз, однако он всегда сбегал или поворачивал ход битвы в свою пользу, и тогда уже бежать приходилось нам.

Злые, плохие дядьки плохи сами по себе. Злые, находчивые, безжалостные, профессиональные и *умные* ребята — намного опаснее. К сожалению, Слухач принадлежал к последним, и я не любила его склизкий характер.

Он и его шестёрки были одеты в стандартную униформу фоморских сошек: чёрные широкие брюки, чёрные ботинки и чёрные свитера с высоким воротом. Высокий ворот свитера скрывал их жабры на шее, так что они вполне могли сойти за простых смертных. Однако они не были простыми смертными или, по крайней мере, больше не были. Фоморы сделали их более сильными, более быстрыми и всё в таком духе, только вот боль они чувствовали. Мне никогда не удавалось совершить удачную попытку атаки на них, и вот теперь они попали прямиком ко мне. Злоба подкатила мне к горлу, и я *очень* хотела отомстить им за пролитую сегодня кровь.

Однако рыбоголовые имели очень странный рассудок, который становился всё страннее. Очень трудно было забраться к ним в голову так, как мне это надо, и если моя первая атака на таком расстоянии провалится, они просто порвут нас на части.

Я стиснула зубы и положила руку на загривок Энди, немного сжав его, и присела рядом с ней, фокусируясь на завесе. Мне оставалось только одно — прибегнуть к внушению. Слухач едва не убил меня несколько месяцев назад, когда заметил определённые чары, влияющие на его

мысли. Это было чертовски страшно, но всё же это сработало в тот раз. Я закрыла глаза и сплела лучший клубок внушения, который только позволял мне мой талант, одновременно укрепляя завесу вокруг нас. Свет в коридоре практически погас, а воздух, ощущаемый кожей, стал значительно холоднее.

Они подошли ближе, Слухач, очевидно, был главным. Они двигались тихо и уверенно, с одной целью. Сукин сын прошёл в метре от меня. Я запросто могла вытянуть руку и коснуться его.

Никто из них не остановился.

Они прошли дальше по коридору, остановившись у комнаты номер восемь. Слухач вставил ключ в дверь и открыл её, после чего вся компания ввалилась в комнату.

Это была возможность, которую я не могла упустить. За всё то зло, что фоморы причинили миру с тех пор, как вымерла Красная Коллегия. Мы даже не знали, зачем они делали то, что делали. Мы не знали, чего они хотят или как их действия могли помочь им в этом.

Так что я как можно тише, не издавая ни звука, чему меня научил не самый приятный жизненный опыт, пристроилась в очередь шестёрок, которые входили в комнату. Спустя секунду

неуверенности Энди присоединилась ко мне, перемещаясь так же тихо. Мы едва смогли проскользнуть внутрь перед тем, как закрылась дверь.

Никто не обратил на нас внимания, когда мы прокрались в комнату, напоминающую комнату дворца. Она была так же богато украшена, как и остальное здание. В дополнение к полудюжине свиты Слухача ещё пять водолазок находились в комнате, стоя в позе охранника-профессионала: прямая спина, руки сзади сомкнуты в замок.

— Где он? — обратился Слухач к охраннику, который стоял у двери. Этот был самым большим из всех, а шея его напоминала фонарный столб.

— Внутри, — ответил тот.

— Время почти наступило, — сказал Слухач. — Проинформируй его.

— Он сказал, чтобы его не беспокоили.

Слухач, казалось, обдумывал это секунду-другую. Потом ответил:

— Недостаточная пунктуальность скомпрометирует договор и сделает нашу миссию невозможной. Иди и скажи ему.

Охранник нахмурился:

— Господин оставил чёткие приказы, что…

Верхняя часть тела Слухача дёрнулась в резком,

размытом движении, таком, что только я могла видеть. Охранник-крепыш испустил непонятный шипящий звук и кашель. Кровь хлестала фонтаном из его горла. Он сделал то, что я могла назвать шагом, повернулся к Слухачу и поднял руку.

После этого он ещё несколько раз дёрнулся и свалился на пол, очевидно мёртвым, но кровь всё ещё обильно шла из его рваной, неровной раны на шее.

Слухач бросил кусок мяса, размером с теннисный мяч, на пол. Его пальцы почти по основание были в крови. Он подошёл к трупу охранника-крепыша и вытер их о его свитер. На чёрном свитере кровь было очень плохо видно. Он выпрямился и постучал в дверь:

— Господин, уже почти полночь.

Прошла ровно одна минута, и он совершил то же действие.

И он повторил это ещё три раза, пока ему не ответил какой-то смазанный, нечёткий голос:

— Я же приказал не беспокоить меня.

— Простите, господин, но время играет против нас. Если мы ничего не сделаем, все наши усилия пойдут прахом.

— Не тебе решать, какие приказы нарушать или соблюдать, — ответил голос, — казни идиота,

который позволил нарушить мой сон.

— Уже сделано, господин.

На другом конце комнаты, за дверью, послышалось что-то, что я приняла за глубокий, дикий грудной звук. Мгновение спустя дверь открылась, и я впервые увидела одного из лордов Фомора.

Он был высоким, на вид очень худощавым, однако худым его не назовёшь. Его руки и ноги были слишком велики для такого тела, живот выпячен, будто он съел баскетбольный мяч. Щёки его тоже были надутыми, да и челюсть создавала впечатление того, что у него свинка. Губы были слишком широкими, толстыми, похожими на резину. Волосы выглядели слишком прилизанными, но одновременно мягкими и напоминали водоросли, которые только что вынесло на берег. Всё это придавало ему вид какой-то очень уж нескладной, ядовитой лягушки. Всю его одежду составляло одеяло, натянутое вокруг плеч. Фу.

Я увидела трёх женщин в комнате позади него. Они были голыми, растрёпанными и… мёртвыми. На шее у каждой были свежие фиолетовые синяки, глаза остекленели.

Все шестёрки упали ниц перед фомором, когда он вошёл, однако Слухач всего лишь преклонил перед ним колено.

— Он здесь? — спросил фомор.

— Да, господин, — ответил Слухач. — Вместе со своими телохранителями.

Фомор издал что-то, напоминающее смешок, и свёл свои лягушиные руки вместе, играя с пальцами:

— Смертный выскочка. Называет себя Бароном. Он заплатит за то, что сделал с моим братом.

— Да, господин.

— Никому не позволено убивать мою семью, кроме меня.

— Само собой, мой господин.

— Принесите мне ракушку.

Слухач вежливо откланялся и обратился к трём своим шестёркам. Они в спешке скрылись за другой дверью и вынесли оттуда огромную раковину устрицы, которая, должно быть, весила с полтонны. Эта хрень выглядела ужасающе и была покрыта лёгким налётом кораллов, морских желудей или чем там обычно покрываются корпуса кораблей. В ширину, наверное, она была метра два. Они положили её посреди комнаты, прямо на пол.

Фомор подошёл к ракушке, коснулся её одной рукой и пробубнил слово. Тут же поверхность ракушки начала светиться, и на ней появлялись

различные узоры или буквы, которые я в любом случае не видела раньше. Фомор стоял над ней некоторое время, с вытянутой рукой, выпуклыми глазами, бормоча что-то шипящим языком.

Я не знаю, что он там делал, но он наверняка управлял огромными энергиями, независимо от того, что это были за энергии. Я чувствовала, как она наполняет комнату, делая её более тесной и лишая кислорода.

— Господин, — спросил Слухач неожиданно, — что вы делаете?

— Подарок для наших новых союзников, — ответил фомор как что-то само собой разумеющееся. — Я пока не могу уничтожить свартальвов вместе с остальными… пока нет.

— Но это не соответствует планам Императрицы.

— Императрица, — фомор выплюнул это слово, — сказала мне, что я не должен вредить нашим новым союзникам. Но она ничего не говорила о чистке рядов от мусора, который появляется на их празднествах.

— Свартальвы очень ценят свою честь, — упорствовал Слухач. — Вы опозорите их, если их же гости с дурными намерениями навредят кому-то. Это нарушит правила гостеприимства, мой гос-

подин. И это же может нарушить весь договор.

Фомор плюнул, в этот раз буквально. Шар чего-то жёлтого, похожего на слизь, забрызгал пол около ног Слухача. Мраморный пол начал шипеть и трещать.

— Когда договор подпишут, это не будет иметь значения. Я сразу же вручу им свой подарок, и это будет знаком милосердия. А когда этот мусор настроится против свартальвов, у них будет только один выбор… примкнуть к *нам* ради силы, — он ухмыльнулся. — Не бойся, Слухач. Я не настолько глуп, чтобы уничтожать одного из любимых питомцев Императрицы, даже по случайности. Ты и твоя свита выживут.

Я внезапно узнала знакомые нотки энергии, которая накапливалась в ракушке, и моё сердце едва не выпрыгнуло из груди.

Срань Господня…

Лорд Лягушачьи Лапки делал из неё *бомбу*.

Вот прямо из этой ракушки. Огромную такую бомбу.

— Моя жизнь в ваших руках, господин, и вы распоряжаетесь ею, — ответил Слухач. — Ещё приказания?

— Обыщите мёртвых на предмет ценностей до того, как мы уйдём.

Слухач склонил голову в знак согласия:

— Во сколько вы оцениваете эффективность вашего подарка?

— Ну, та, которую я сделал для Красной Коллегии в Конго, была довольно-таки смертельной, — ответил Лягушачьи Лапки с ноткой самодовольства в голосе.

Моё сердце начало биться ещё быстрее. Во время войны с Белым Советом Красная Коллегия использовала какой-то нервно-паралитический газ в больнице, которая оказывала помощь раненым чародеям. Это убило десятки тысяч людей в городе, намного меньшем и людном, чем Чикаго.

Внезапно я ощутила себя очень маленькой, а мои голые ступни похолодели.

Лорд Лягушачьи Лапки крякнул от натуги и щёлкнул пальцами, после чего бомба-ракушка исчезла под завесой, такой же хорошей, как одна из моих лучших. Фомор рывком опустил руку, улыбаясь:

— Принесите мою мантию.

Один из шестёрок в спешке одел Лягушачьи Лапки в мантию, которая тянула на звание самой броской мантии в истории. Несколько цветов, в узоре, который напоминал рябь на воде, сталкивались друг с другом в случайном порядке. Также

она была украшена жемчужинами, некоторые размером с хорошую круглую жвачку. В довершение всего, на его голову водрузили какой-то венец, напоминающий корону, после чего лорд Лягушачьи Лапки вместе со всей своей свитой направился к двери.

Я скрутилась в самый тугой калачик, какой моё тело могло позволить, и отодвинулась в дальний угол комнаты, оказавшись почти под мини-баром. Энди прижалась ко мне. Лягушачий Лорд проскочил мимо меня, а шестёрки шли за ним в два ряда, двигаясь точными и одинаковыми движениями, пока один из последней пары не остановился. Его рука замерла на дверной ручке.

Это был Слухач.

Он медленно окинул комнату взглядом и нахмурился.

— Что случилось? — спросил кто-то из его людей.

— Ты чувствуешь что-нибудь? — спросил Слухач.

— Например?

— Духи.

Вот чёрт…

Я закрыла глаза и сразу же сосредоточилась на моём внушении, добавляя прядь страха и

беспокойства, и попыталась сделать её слишком слабой для Слухача, чтобы он не смог почувствовать её.

— Никогда не любил духи. Мы не должны отставать от господина, — тут же ответил другой боец.

Слухач начал колебаться, но спустя секунду кивнул и покинул комнату.

— Молли! — голос Жюстины достаточно отчётливо звучал из кристалла, спрятанного в моей одежде. — Мисс Гард пару минут назад не выдержала и эвакуировала Марконе. Охрана в данный момент мобилизуется.

Иногда я думаю, что вся моя жизнь — одна большая ошибка.

Слухач резко крутанулся на месте и повернулся в нашу сторону, но Энди была быстрее. Одним пятиметровым прыжком она преодолела всё расстояние и всем своим весом врезалась в дверь, захлопывая её. В мгновение ока она вновь приняла человеческий облик, оказавшись голой, прижалась к двери и щёлкнула замком, закрывая дверь.

Я выудила кристалл из своего платья и сказала:

— Тут бомба в здании, в гостевом крыле. По-

вторяю, *бомба* в гостевом крыле, в помещении посла Фомора. Найди Этри или любого другого свартальва и скажи им, что фомор собирается убить их гостей!

— О Боже… — только и сказала Жюстина.

— Срань Господня! — вклинился Баттерс.

Что-то очень тяжелое и быстрое врезалось в дверь с силой кувалды, и она дёрнулась, однако выдержала. Энди откинуло на несколько сантиметров назад, и она вновь прижалась плечом к двери, удерживая её.

— Молли!

Это была очередная ситуация, в которой паника может оказаться смертельной. Так что вместо того, чтобы бегать и кричать, что мне очень хотелось сделать, я закрыла глаза и сбросила завесу, сделала глубокий вдох и попыталась собраться с мыслями.

Первое: если Лягушачьи Лапки со своей свитой сможет попасть в комнату, мы покойники. В комнате, кстати, и без того было уже четыре трупа. Ещё два не изменят общей картины, так ведь? И они, скорее всего, могут сделать это. Так что в приоритете было не пускать их сюда, по крайней мере, до того момента, когда свартальвы поймут, что случилось.

Второе: бомба. Если эта штука взорвётся, и она всё же похожа на тот газ, что использовала Красная Коллегия в Африке, потери составят сотни тысяч, включая Энди, Томаса, Жюстину, да и Баттерса с Марси, которые ждали нас, тоже. Бомбу надо было обезвредить или переместить в другое место. Ну и неплохо было бы, если она не будет невидимой. Здорово поможет в любом случае.

И третье: спасти Томаса. Не стоило забывать о том, зачем я здесь, независимо от того, сколько дерьма случилось.

Дверь вновь грохнула.

— Молли! — крикнула Энди. Страх сделал её голос дрожащим и резким.

— Проклятье! — прорычала я. — Что бы сделал Гарри?

Если бы Гарри был здесь, он бы просто смог удержать чёртову дверь. Его магические способности были чем-то наподобие суперсилы, когда речь шла об использовании грубой, массивной энергии. Я практически уверена в том, что он бы смог остановить даже поезд. Ну, или, по крайней мере, небольшой грузовичок. Но мои способности не сводились к таким грубым манипуляциям энергией.

Гарри однажды сказал мне, что если у тебя есть

одна проблема — у тебя проблема, но если у тебя несколько проблем, то может быть и несколько решений.

Я поднялась на ноги и взяла в руки оба своих жезла, крепко сжимая их. Деревянная шероховатая поверхность успокаивала меня. Я встала напротив двери и сказала:

— Готовься.

Энди бегло глянула на меня:

— К чему?

— Открыть дверь, — ответила я. — А потом закрыть, когда я выйду.

— *Чего*?!

— Закрой глаза. На счёт три, — сказала я и слегка подогнула колени. — Раз…

Дверь бухнула в очередной раз. Ребята явно не желали отступать.

— Два…

— Ты сбрендила?! — вопросила Энди.

— Три! — я с криком понеслась по направлению к двери, выставляя перед собой оба жезла.

Энди зажмурилась и резко открыла дверь. Оказавшись за пределами комнаты, я использовала этот чудовищный рейв, который был одним из моих любимых приёмов.

Я сделала усилие воли, и в коридоре тут же

воцарился хаос из света и звука, исходивших от моих жезлов. Свет от моего заклинания был похож не на свет от фонарика, а скорее на вспышку маленького ядерного взрыва. Да и звук не был таким громким, как крик, или же, допустим, как небольшой взрыв, или проезжающий мимо поезд. Он больше напоминал звук выстрела этих огромных корабельных пушек времён Второй Мировой, звук которых запросто мог оглушить взрослого мужчину и опрокинуть того филейной частью на пол.

Я рывком продолжила двигаться вперёд, вместе со своим чудовищным рейвом, врываясь в коридор, где было полно водолазок, сконфуженных и оглушённых.

И тут я поняла, что надо играть грязно.

Спустя несколько секунд, все водолазки были на ногах, хоть и выглядели немного потерянными и моргали чаще, чем требовалось. Один из них помогал Лягушачьим Лапкам подняться на ноги. Его волосы теперь были растрёпанными, а мантия вся измялась. Уродливое лицо Лорда исказилось в гневе.

— Что случилось, Слухач?! — требовательно вопросил он. Он кричал что было силы, не щадя лёгких. Вероятно, его слух ещё не восстановился.

— Господин, — ответил Слухач, — я полагаю, это работа Леди-Оборванки.

— Чего?! Говори громче, идиот!

Щека Слухача дёрнулась разок. Он повторил сказанное, но на этот раз криком.

Лягушачьи Лапки издал шипящий звук.

— Надоедливая сучка! — прорычал он. — Выломай к чертям эту дверь и принеси мне её *сердце*.

— Да, господин, — ответил Слухач, и водолазки собрались вокруг комнаты номер восемь.

Они не использовали никаких специальных инструментов. Да они в них, в принципе, и не нуждались. Они просто начали колотить дверь ногами, причём втроём и одновременно. Подошвы их ботинок глухо ударялись о дерево. За три пинка в двери появились трещины, и она заскрипела. Пятый пинок едва ли не сорвал её с петель, и она махом открылась.

— Убейте её! — продолжал рычать Лягушачьи Лапки, подходя к поломанной двери. — *Убейте*!

Все, кроме двух, что остались с лордом, вломились в комнату.

Я, скрываясь под завесой, сориентировалась и выбрала удачное время для того, чтобы отменить иллюзию: дверь как раз отшатнулась, когда толпа водолазок вломилась внутрь. Серебряная

восьмёрка, обозначающая номер комнаты, расплылась и спустя секунду вновь стала цифрой шесть.

Жабьи глаза Лорда внезапно стали ещё шире по мере того, как он начал осознавать произошедшее.

Один из лакеев вылетел из комнаты и с треском врезался в стену на противоположной стороне коридора. Он, словно тряпичная кукла, столкнулся с ней, а потом безвольно сполз вниз. На треснувшем мраморе виднелись очертания человека и подтёки свежей крови, оставшиеся после столкновения.

С другой стороны двери послышался голос Томаса Рейта, вампира:

— Слухач, верно? Вот так вот. Вы, клоуны, всегда выбираете неправильную комнату.

— Мы ошиблись, — ответил Слухач.

— О да. Ошиблись.

Из комнаты начали доноситься звуки ломающихся костей и ударов.

Лорд Лягушачьи Лапки зашипел и начал резво поворачивать свою голову из стороны в сторону.

— Сука-Оборванка, — шипел он. — Я знаю, что ты здесь!

Сейчас я наверняка знала, что бы сделал Гарри.

Я подняла свой жезл и послала голос в дальний конец коридора:

— Приветик, Лягушачьи Лапки. Тяжело, наверное, придерживаться образа злодея? Или это у тебя в крови?

— Ты ещё *смеешь издеваться*?! — прорычал фомор. Он послал спираль тёмно-зелёной энергии вниз по коридору. Всё, к чему она прикасалось, шипело и плавилось. Достигнув конца коридора, энергия врезалась в дверь. На двери появился яркий узор рыболовной сети, и послышался шипящий, потрескивающий звук.

— Да уж, тяжело, наверное, жить с такой рожей, — сказала я, и на этот раз звук раздался прямо возле него. — Ты убил тех девушек, или они сами захотели смерти, когда увидели тебя без одежды?

Фомор прорычал и махнул рукой по направлению звука. Он сощурил глаза и начал бормотать что-то, вместе с этим вырисовывая в воздухе какие-то хитросплетения с помощью толстых пальцев. Я сразу же почувствовала энергию, исходящую от него, и я точно знала, что он собирается сделать. А именно — обнаружить мою завесу. Однако я играла в эту игру с тётушкой Леа не один месяц.

А Лягушачьи Лапки — нет.

Когда он выпустил своё заклятие в форме тонких нитей, я ответила лёгким дуновением своей собственной энергии, чтобы немного изменить траекторию полёта нитей так, что они легонько огибали меня и мою завесу. Я не могла позволить обнаружить себя, по крайней мере, не так. Он не думал вовсе, и если он не сообразит, что случилось, скорее всего, он просто слишком туп для того, чтобы его обманули.

Но и заставить его отступить и уйти я тоже не могла, так что, убедившись, что моя уловка сработала и я обошла его поисковое заклятие, я вновь использовала свой жезл для того, чтобы исказить звук, на этот раз создав его сверху, прямо над головой фомора:

— Это тебе не шутки, знаешь ли. Ты точно уверен, что не хочешь отсидеться где-то в безопасном месте и оставить это профессионалу вроде Слухача?

Лягушачьи Лапки рывком поднял голову вверх и зыркнул куда-то в потолок. Затем он поднял руку, противным шёпотом произнёс слово заклинания, и струя огня сорвалась с его руки, поглощая потолок.

Потребовалось примерно две секунды для того,

чтобы сработала пожарная сигнализация, и ещё две для того, чтобы включились спринклеры. К этому времени я уже была у двери в комнату номер восемь. Вода начала размывать мою завесу. Магия — это один из типов энергии, и она подчиняется своим законам. Согласно одному из них, вода является чем-то вроде плохого проводника, так что магические энергии, контактируя с водой, в буквальном смысле вымываются. Моя завеса быстро таяла, словно была сделана из сахарной ваты.

— Ха! — плюнул фомор, завидев меня. Я краем глаза увидела, как он посылает в меня изумрудно-зелёный разряд. Я ничком упала на пол, и вспышка пролетела мимо меня, поразив дверь. Я быстро перевернулась на спину, как раз вовремя для того, чтобы поднять щит, который спас меня от второй и третьей атаки. Мой щит не очень хорошо справляется с физическими объектами, но, к счастью для меня, атака фомора состояла из чистой энергии, и мой щит кое-как справился с этим. Мне удалось отразить разряды света влево и вправо. Они попали в стены коридора, и куски мрамора размером с добрый кирпич вывалились на пол.

Глаза лорда Лягушачьи Лапки стали ещё боль-

ше и налились яростью не меньше, чем в случае промаха:

— Корова смертная!

А вот это было уже обидно. Конечно, мелочно, поверхностно и слишком слабохарактерно с моей стороны, раз его низкие оскорбления про мою внешность задели меня, но, всё же, обидно. Его не совсем лестные отзывы оказали на меня больше эффекта, чем его же попытка убийства.

— *Корова*? — проворчала я, в то время как импровизированный дождь начал здорово квасить меня. — Да я в этом платье выгляжу *сногсшибательно*!

Я бросила один из жезлов и резким движением руки направила поток невидимой, чистой энергии, которая была моей памятью, сфокусированной с помощью магии. Это было похоже на то, как свет проходит через увеличительное стекло. Иногда вы плохо помните события травматического характера, и мои собственные воспоминания о том, как меня подстрелили, были расплывчатыми. В тот момент, когда мне выстрелили в ногу, не было так уж больно, да тогда были вещи и поважнее. Главным образом, я почувствовала удивление, затем онемение, но… *по-настоящему* больно было потом, в вертолёте, когда мою рану

обрабатывали. Они вытащили пулю щипцами, здорово расковыряв ранение, затем обрабатывали рану чем-то, что щипало, как чёрт знает что, а когда начали бинтовать рану, да ещё и как можно туже затягивая повязку, я вообще думала, что сдохну прямо на месте.

Вот что я послала ему, усилив всей своей волей, которую только могла собрать.

Он мгновенно создал щит, чтобы оградить себя от атаки, но я думаю, что он не привык работать с чем-то таким неосязаемым, как память. Даже несмотря на то, что вода ослабляла магию, я чувствовала, как атака прошла сквозь его щит и поразила цель. Лягушачьи Лапки испустил внезапный, пронзительный, полный боли крик. Он пошатнулся и упал, схватившись за ногу.

— Убейте ее наконец! — завопил он. Голос его повысился на две октавы. — Убейте, убейте же!

Оставшиеся два лакея направились в мою сторону. Внезапно на меня накатила волна дикой усталости, я просто хотела завалиться на пол и поспать немного. Вместо этого я собрала волю в кулак и всё же доползла до двери комнаты номер восемь, постучав кулаком, что было силы:

— Энди! Энди, это я, Молли! Откр…

Дверь резко отворилась, и я ввалилась внутрь,

едва переставляя ноги. Энди так же резко закрыла дверь и щёлкнула замками.

— Что за хрень, Молли? — требовательно вопросила Энди. Она тоже промокла насквозь, да и весь реквизит в комнате тоже, включая многострадальную бомбу фомора.

Я проковыляла к ней.

— Я не могла снять завесу с бомбы, — выдохнула я. — И у нас не было времени разводить костёр, а я не могу создать достаточно пламени для того, чтобы сработала пожарка. Так что мне пришлось порезвиться с мистером Лягушачьи Лапки, чтобы он сделал это вместо меня.

Дверь содрогнулась от попыток водолазок сорвать её с петель.

— Задержи их, — крикнула я, — а я пока обезврежу бомбу.

— А ты *сможешь*? — спросила меня Энди.

— Проще пареной репы, — соврала я.

— Лады, — ответила она и скривилась. — Я буду пахнуть, как промокшая псина.

Энди повернулась лицом к двери в полной боевой готовности, а я в это время протянула руки к бомбе. Я прогнала врагов, что ломились в дверь, прочь из своих мыслей и полностью сосредоточилась на ракушке передо мной. Затем я начала

прощупывать энергии, которые двигались в ней, с помощью своих чувств.

В эту штуку было накачано *много* энергии, которая скопилась внутри и готова была рвануть в любой момент. Тонкое напыление чар находилось на поверхности ракушки, это было чем-то вроде магического аналога панели управления. Вода постепенно размывала эти чары, но недостаточно быстро, чтобы добраться до энергии внутри и рассеять её. Если я не перенесу её куда-то в другое место, вода *уничтожит* контрольную панель а-ля магия и бомбу уже *невозможно* будет обезвредить.

Я прикрыла глаза и положила руку на ракушку так, как это делал Лягушачьи Лапки. Я чувствовала энергию ракушки, которая касалась моих пальцев и готова была ответить на мои сигналы. Я начала медленно вливать энергию в неё, пытаясь прочувствовать, как и что. Весьма простое, прямолинейное заклинание, но я не знала, к чему оно приведёт. Это как иметь пульт от телевизора с кнопками без обозначений. Я ведь не могла просто начать нажимать их в случайном порядке, надеясь на лучшее.

Но, в любом случае, *не* сделать этого я тоже не могла.

Оставалось надеяться только на свою интуицию и успешную догадку.

На пульте кнопка выключения обычно находилась в стороне от всех остальных или же, наоборот, в центре. Так что я просто искала эту кнопку, чтобы выключить бомбу. Я сразу же начала отметать различные части чар, которые казались слишком сложными или же маленькими, постепенно уменьшая количество вариантов. В итоге, их осталось только два. И если я ошибусь…

Я не смогла сдержать нервный смешок:

— Эй, Энди. Синий или красный?

Внезапно в двери показался ботинок водолазки, который проделал в ней дыру. Энди повернула голову в мою сторону и одарила меня скептическим взглядом.

— Ты что, чёрт подери, *шутишь*?! — крикнула она. — Это *всегда* синий!

Половина двери отломилась и полетела на пол. Энди сразу же приняла облик волка и подалась вперёд, вцепившись в первого встречного вражину, когда тот попытался войти внутрь.

Я вновь вернулась к своим баранам, то есть бомбе, и выбрала второй вариант. Я сосредоточила на нём свою волю. Вышло у меня только после

нескольких попыток, так как я была чертовски напугана. А как известно, страх, особенно тот, от которого вам хочется намочить штаны, не способствует ясности мышления.

— Боже, — прошептала я. — Знаю, что не была образцом целомудрия в последнее время, но если ты поможешь мне здесь, это поможет огромному количеству людей. Пожалуйста, сделай так, чтобы я не ошиблась.

Я перерезала синий провод.

Ничего не произошло.

Я почувствовала огромную волну облегчения, словно с плеч свалилось две тонны камней, а затем лорд Лягушачьи Лапки перепрыгнул двух водолазок, отбивающихся от Энди, и врезался в меня.

Я плюхнулась на мраморный пол, и он оседлал меня, пригвоздив к полу своим слишком уж тощим телом. Фомор обхватил мою шею пальцами одной руки и сжал её. Он был до ужаса сильным. Я мгновенно потеряла способность дышать, голова стала свинцовой, а в глазах потемнело.

— Мелкая *сука*, — прошипел он. Он начал бить меня другой рукой. Первый удар пришёлся мне в скулу. Удар должен был быть болезненным, но, я думаю, с моим мозгом что-то было не так. Я поня-

ла, что он ударил меня, но всё остальное утонуло в дымке черноты, которая становилась всё темнее. Я даже чувствовала, что сопротивляюсь, но это не принесло никаких результатов. Лягушачьи Лапки был намного сильнее, чем выглядел. Моё зрение не было очень чётким, но я увидела одну из мёртвых девушек на полу в другой комнате и тёмно-синие синяки у неё на шее.

Пол в двух метрах от меня пошёл рябью, и серое, странное на вид существо выпрыгнуло из него.

Свартальв, ростом примерно в полтора метра, был совершенно голым. Его кожа была серого цвета с пятнами, а глаза большими и полностью чёрными. Голова у него была чуточку больше, чем у большинства людей. Он был лысым, хоть и имел серебряно-белые брови. Он был похож на пришельца из Розуэлла, но вместо того, чтобы быть слишком уж тощим, его телосложение напоминало оное профессионального боксёра — подтянутое и мощное. В руке он держал простой короткий меч.

— Фомор, — сказал свартальв спокойно. Я узнала голос мистера Этри. — Ты знаешь, что бить женщин — плохо?

Он начал было говорить что-то, однако меч Этри со свистом рассёк воздух и аккуратным хи-

ургическим разрезом отделил руку, что душила меня, чуть выше запястья, от остальной её части. Лягушачьи Лапки вскрикнул и сразу же отпрыгнул от меня, выплёвывая слова силы и пытаясь призвать что-то, одновременно удаляясь от него на трёх конечностях.

— Ты нарушил правила гостеприимства, — продолжил Этри спокойно. Он совершил движение рукой, и пол под фомором внезапно стал вязким. Он увяз в нём сантиметров на десять, после чего пол вновь стал твёрдым. Фомор закричал.

— Ты атаковал гостя, который находится под защитой Свартальфхейма, — сказал он тем же спокойным тоном. Меч вновь просвистел в воздухе, на этот раз отделяя нос от лица Лягушачьих Лапок. Пол разом оказался заляпанным какой-то слизью, и крики стали громче. Этри стоял над поверженным фомором и смотрел на него сверху вниз. Его лицо не выражало абсолютно никаких эмоций:

— Есть ли что-то, что ты можешь сказать в своё оправдание?

— Нет! — заорал тот. — Ты не можешь этого сделать! Я не навредил твоим людям!

Волны исходящей от Этри ярости были такими жаркими, что я думала, что падающая на него

вода обратится в пар.

— Не навредил нам? — произнёс он негромко. Он взглянул на раковину, а затем снова на Лягушачьи Лапки с выражением полнейшего презрения. — Вы бы использовали наш альянс в качестве предлога для убийства тысяч невинных, сделав нас вашими сообщниками. — Он присел на корточки, так что его лицо оказалось в нескольких дюймах от фомора, и продолжил спокойным, тихим, неумолимым голосом:

— Ты запятнал честь Свартальфхейма.

— Я заплачу! — пробулькал Лягушачьи Лапки. — Вы получите компенсацию за моральный вред!

— Есть лишь одна цена за твои действия, фомор. И никаких переговоров.

— Нет, — запротестовал Лягушачьи лапки. — Нет. НЕТ!

Этри отвернулся от него и осмотрел комнату. Энди была по-прежнему в виде волка. Один из водолазок истекал кровью на мраморном полу, струйки воды из спринклеров смешались с кровью, образовав огромную красную лужу. Другой скорчился в углу, обхватив руками голову, покрытую кровоточащими ранами. Энди смотрела на него, тяжело дыша, с её клыков капала кровь,

в груди клокотало рычание.

Этри повернулся ко мне и протянул мне руку. Я поблагодарила его и позволила ему помочь мне принять сидячее положение. Моё горло болело. Моя голова болела. Моё лицо болело. Боль убивает меня, пульсирует, тук, тук, тук. Иди сюда, ты.

Видимо, мне здорово надавали по голове, раз мой внутренний голос стал похож на суфлёра в театре.

— Прошу прощения, — сказал Этри, — за вмешательство в вашу борьбу. Пожалуйста, не думайте, что я это сделал потому, что полагал, будто вы не в состоянии защитить себя.

Мой голос больше напоминал карканье:

— Это ваш дом, и ваша честь была поставлена на карту. Так что вы имели полное право.

Ответ, похоже, доставил ему удовольствие, и он чуть наклонил голову:

— Кроме того, я приношу извинения, что не разобрался с этим вопросом самостоятельно. Вы не были обязаны заниматься поисками или принимать меры против этой подлой выходки.

— Это была наглость с моей стороны, — сказала я. — Но действовать нужно было быстро.

— Ваш союзник предупредил нас об опасности. Вы не сделали ничего неправильного. Сварталь-

фхейм благодарен вам за помощь. Вы оказали нам услугу.

Я собиралась ответить, что это было вовсе не обязательно, но внезапно одёрнула себя. Этри не был из тех, кто будет обмениваться всякими любезностями. И это не был простой дружеский обмен словами. Это больше было похоже на долгосрочное вложение. В ответ я лишь низко склонила голову:

— Спасибо, мистер Этри.

— Само собой, мисс Карпентер.

Свартальвы в униформе охранников вместе со смертными охранниками вошли в комнату. Этри подошёл к ним и тихо раздал указания. Фомора и его слуг связали, после чего вынесли из комнаты.

— Что будет с ними? — спросила я у Этри.

— Мы сделаем хороший пример из этого фомора, — ответил он.

— А что с вашим договором? — вопросила я.

— Он так и не был подписан, — сказал Этри. — По большей части из-за вас, мисс Карпентер. Хоть мы и не возвращаем долги за просто так, мы ценим ваше участие в этом вопросе. И это не будет забыто.

— Фомор не заслуживает честного союзника.

— Похоже на то, — ответил он.

— Что с водолазками? — спросила я.

— А что с ними?

— Вы… разберётесь с ними?

— А мы должны? — глянул на меня Этри.

— Ну-у, они, типа того, участвовали в этом, — ответила я.

— Они всего лишь имущество, — сказал сварталь. — Когда кто-то бьёт тебя молотом, то в этом виноват только этот кто-то. Нет смысла уничтожать молот. Нам до них нет никакого дела.

— А с ними что? — вопросила я, указывая кивком в сторону мёртвых девушек в комнате фомора. — До них-то вам есть дело?

Этри глянул в ту сторону и тяжело вздохнул.

— Плохо, когда красивые вещи уничтожают, — сказал он. — Однако они не были нашими гостями. Мы ничего не должны за их погибель и не будем отвечать за неё.

— У вас есть вампир-заключенный, — спросила я. — Не так ли?

Этри оценивал меня взглядом секунду-другую, после чего ответил:

— Да.

— Вы должны мне услугу. Я хочу, чтобы вы его отпустили.

Он выгнул брови, затем слабо поклонился и сказал:

— Идёмте за мной.

Я последовала за Этри. Мы вышли из комнаты и пересекли коридор, направляясь в комнату номер шесть. Дверь была разломана-переломана. Эйтри остановился у её остатка и вежливо постучал. Спустя мгновение послышался женский голос:

— Входите.

Мы вошли. Комната, в принципе, была похожа на ту, в которой находился фомор, за исключением того, что тут было больше подушек и вообще мягкой мебели. Однако выглядело это всё ужасно. Весь пол был усеян поломанной мебелью, не менее поломанными элементами декора и поломанными же водолазками. Свартальвы-стражники уже связывали их и выносили из комнаты по одному.

Слухач вышел на своих двоих, руки его были связаны за спиной, а под глазом сиял огромный фингал на пол-лица. Он одарил меня долгим, спокойным взглядом, проходя мимо. И ничего не сказал.

Вот же ублюдок.

Этри повернулся в сторону полузакрытой двери, которая вела в спальню и заговорил:

— У нас есть должок к смертной чародейке, что предупредила нас. Она просит освободить вампира.

— Невозможно, — ответил женский голос. — Всё уже решено.

Этри повернулся ко мне и немного виновато пожал плечами.

— Мне жаль.

— Погодите, — возразила я. — Могу я поговорить с ним?

— Секундочку.

Мы подождали немного. Томас показался в двери, одетый в чёрный махровый банный халат. Он только что вылез из душа. Томас, возможно, чуть-чуть не дотягивал до метра восьмидесяти, однако каждый сантиметр его тела излучал сексуальные флюиды. Его глаза были кристально-голубого цвета, а тёмные волосы касались широких плеч. Моё тело повело себя так же, как и всегда, когда рядом находился он, и начало кричать: «О боже, какой мужчина!» Я проигнорировала его крики. Ну, более-менее.

— Молли, — спросил он. — Ты в порядке?

— Ничего такого, с чем бы не справилась пара упаковок аспирина, — ответила я. — А ты?

— А что могло случиться? — удивлённо морг-

нул он.

— Я думала… ну… знаешь… тебя ведь схватили как шпиона.

— Ну, есть такое, — ответил он.

— И я думала, что они, того, э-э, сделают из тебя пример.

— А зачем им делать это? — вновь удивился он.

Дверь спальни вновь отворилась, и из неё вышла женщина-свартальв. Она была очень похожа на Этри, — такая же маленькая и красивая, вот только вместо отполированной лысины на голове у неё была грива серебряных волос. Она, похоже, была одета в Томасову футболку, которая свисала ей почти до самых пяток. Видок у неё был какой-то… самодовольный, что ли? За ней, в темноте комнаты, виднелись ещё несколько пар больших чёрных глаз.

— Оу, — только и сказала я. — Ты, э-э, *того*? Заключил сделку…

— Да, работёнка не из простых, — усмехнулся Томас.

— Работёнка не из выполненных… — промурлыкала женщина-свартальв. — Ты наш вплоть до рассвета.

Томас взглянул на меня, потом оглянулся на-

зад и вновь смотрел на меня, после чего развёл руками:

— Тебе ли не знать, как это бывает. Долг зовёт.

— Эм… — вопросила я. — Что мне сказать Жюстине?

Томас одарил меня взглядом, полным непонимания и недоумения:

— Правду, что же ещё-то?

— О, слава Богу… — облегчённо вздохнула Жюстина, когда мы выходили из здания. — Я боялась, что они будут морить его голодом.

— Твой парень сейчас трахается с толпой тёмных эльфиек, и ты этому *рада*? — удивлённо спросила я.

Жюстина запрокинула голову и громко рассмеялась:

— Видимо, любовь к инкубу немного меняет мировоззрение. Не так уж это и плохо. Я знаю о его чувствах ко мне, да и ему надо нормально питаться. Так что в чём проблема? — усмехнулась она. — Да и ко всему прочему, он *всегда* готов на подвиги.

— Ты очень странный человек, Жюстина.

Энди фыркнула и по-дружески толкнула меня в плечо. Она вновь была в платье и туфлях, которые облюбовала.

— Чья бы корова мычала…

* * *

Когда мы вернулись в безопасное место, я вышла из квартиры Баттерса и направилась к ближайшей парковке, нашла угол потемнее, села и стала ждать. Леа появилась из ниоткуда часами двумя позже и села рядом со мной.

— Ты обманула меня, — выдала я напрямую. — Ты послала меня туда совершенно вслепую.

— Воистину. Так же, как и Лара своего брата. Но в отличие от её агента, мой не провалил задание.

— Но зачем? Смысл посылать нас туда?

— Нельзя было допустить Фомор к подписанию договора, — ответила она. — Если одна раса согласится на нейтралитет, другие тоже последуют за ней. Фомор просто разделил бы их по разные стороны и уничтожал одну за другой. Ситуация была очень деликатной. Предполагалось наличие агентов, которые пошатнули бы равновесие, вследствие чего Фомор проявил бы свой истинный облик.

— А почему ты сразу мне это не сказала?

— Очевидно, что ты бы не поверила и не доверилась мне, — ответила она.

— Всё равно надо было сказать, — хмуро сказала я.

— Не глупи, дитя, — фыркнула Леа. — Времени было в обрез и потакать твоим сомнениям, подозрениям и бесконечным вопросам я не могла. Намного проще было дать тебе цель, на которой стоило сфокусироваться… Томаса, например.

— Откуда ты знала, что я найду бомбу?

Она выгнула бровь:

— Бомбу? — Она покачала головой. — Я не знала, что произойдёт что-либо конкретное. Но фоморы по своей природе являются предателями. Если есть возможность устроить подлость, они так и сделают. Вопрос только в том, какую форму примет их предательство. Свартальвы должны были это увидеть.

— Откуда ты знала, что я раскрою их замысел?

— Я этого не знала, — ответила она. — Но я знаю твоего наставника. В том, что касается вмешательства в чужие дела и обнаружения неприглядной правды, он очень хорошо тебя обучил. — Она улыбнулась. — Ты также переняла его способность влезать в тщательно спланированные события и доводить их до полнейшего хаоса.

— Что это значит? — требовательно спросила я.

Ее улыбка была невыносимо самодовольной:

— Это означает, что я была уверена, что, как бы ни развивались события, они не будут идти по плану, и подписание договора не состоится.

— Но ты могла сделать всё вместо меня.

— Нет, дитя, — возразила Леа. — Свартальвы никогда бы не попросили меня стать их гостьей на приёме. Они любят чистоту и порядок. Они знали бы, что мои замыслы не чисты.

— Но они не знали того же обо мне?

— Они не могут судить других, кроме как по их поступкам, — пояснила Леа. — И были готовы заключить договор с фоморами, поскольку ещё не сталкивались с ними. Мои поступки уже показали меня той, с кем нужно обращаться осторожно. У тебя в отношении них была… незапятнанная репутация. И ты застала предателя с поличным. Всё хорошо, твой город спасён, кроме того, теперь группа богатых, искусных и влиятельных существ должна тебе услугу.

Она замолчала на минуту, потом слегка наклонилась ко мне:

— Возможно, некоторые выражения признательности были вполне уместны.

— От меня тебе? — удивилась я. — За что?

— Я полагаю, что вечер для тебя закончился

достаточно хорошо, — сказала Леа, вскинув брови. — Ах, Господи, ну ты и трудный ребёнок. Не знаю, как ему удаётся терпеть твою наглость. Ты, наверное, думаешь, что заслужила от меня награды, — она встала и повернулась, чтобы уйти.

— Подожди! — сказала я вдруг.

Она остановилась.

Думаю, у меня перестало биться сердце. Я начала дрожать, всем телом:

— Ты сказала, что знаешь Гарри. Не «знала его». «Знаю». Настоящее время.

— Неужели?

— Ты сказала, что не знаешь, как ему удаётся мириться со мной. «Удаётся». Настоящее время.

— Разве?

— Тётушка, — спросила я её, и я могла только шептать, — тётушка… Гарри… он жив?

Леа очень медленно повернулась ко мне, и её глаза сверкнули зелёным, злым знанием:

— Я не говорила, что он жив, дитя. И ты не должна этого говорить. Пока.

Я наклонила голову и заплакала. Или засмеялась. Или то и другое. Не могу сказать. Леа не стала задерживаться. Эмоциональные проявления причиняют ей дискомфорт.

Гарри. Жив.

Я *не убила* его.

Это была самая лучшая награда.

— Спасибо, тётушка, — прошептала я. — Спасибо.